

О ШЛАТЪ

**ЗА УБІЙСТВО ВЪ ДРЕВНЕМЪ РУССКОМЪ И ДРУГИХЪ
СЛАВЯНСКИХЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХЪ ВЪ СРАВНЕ-
НИИ СЪ ГЕРМАНСКОЮ ВИРОЮ .**

Р А З С У Ж Д Е Н І Е,

н а п и с а н н о е

Адьюнктомъ *Николаемъ Ивановичемъ*

для полученія степени

Доктора Россійскаго законовѣдѣнія .

К І Е В ъ .

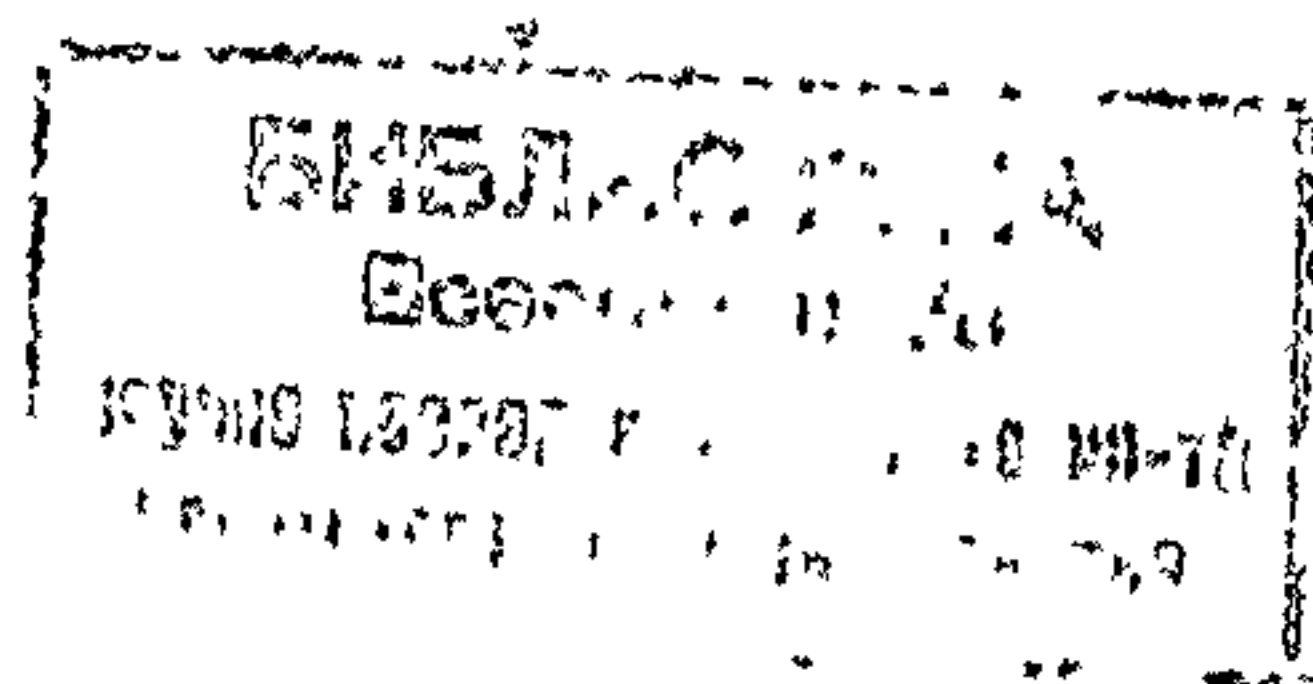
Въ Университетской Типографіи.

1 8 4 0 .

По опредѣленію Юридическаго Факультета печатать позво-
ляется. Кіевъ. 26 Іюня 1840 года.

Декань Юридического Факультета *Сергей Орнатский*.

771-12620

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Для объясненія памятниковъ Россійскаго законодательства необходимо сравнительное изученіе законодательствъ всѣхъ Славянскихъ народовъ. Каждое племя имѣетъ отличный характеръ мысли точно такъ, какъ оно имѣетъ свою отличительную физіогномію. Это отличие мысли особенно является рѣзкимъ при первоначальномъ образованіи государствъ, когда народы не успѣли еще обмѣняться произведеніями духовной жизни, когда жизнь общественная управляется естественнымъ чувствомъ правосудія, близкимъ къ инстинкту.

Когда племя дѣлится на народы, то, не смотря на отдѣльную историческую судьбу каждаго изъ нихъ, мысль, съ нѣкоторыми измѣненіями, удерживаетъ общій характеръ племени, если только вліяніе иноплеменныхъ народовъ не подавитъ ея. Поэтому законодательство каждаго отдѣльнаго народа, какъ выраженіе народной мысли, можетъ быть понятно только тогда, когда мы будемъ разсматривать его въ связи съ законодательствами другихъ одноплеменныхъ народовъ. Одна и та же юридическая мысль является у отдѣльныхъ народовъ въ разнообразныхъ формахъ и достигаетъ полноты и ясности только тогда, когда мы соберемъ всѣ ея отдѣльныя черты и составимъ изъ нихъ одинъ образъ. Для древняго Россійскаго законодательства изслѣдованіе Славянскихъ законодательствъ не только важно по тому, что можетъ прояснить намъ древніе наши законодательные памятники, но и потому, что оно даетъ намъ возможность рѣшить вопросъ: «считать ли намъ древніе памятники Россійскаго законодательства произведеніями, заимствованными у Германцевъ, или чисто Славянскими?»

Настоящее сочиненіе имѣетъ предметомъ изъяснить одно юридическое понятіе посредствомъ сравнительнаго изслѣдованія древнѣй-

шихъ Германскихъ и Славянскихъ законодательствъ. Для того, чтобъ свести двѣ противоположныя системы права, показать ихъ отличие и результатъ, выведенный изъ такого изслѣдованія, употребить для объясненія древняго Русскаго права, я выбралъ плату за убійство, какъ понятіе, которое составляло главный предметъ древнихъ законодательствъ, развивалось изъ внутренней жизни народа и цѣлые вѣки сопровождало существованіе государствъ, отъ ихъ первоначальнаго образованія до зрѣлаго возраста.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

- I. Вира въ Германскихъ законодатель-
ствахъ 4.
- II. Плата за голову у Славянъ. . . . 30.
- А. Нлава, hlawnj репје въ Бо-
 гемскомъ и Моравскомъ за-
 конодательствахъ. 33.
- В. Крвавина Сербовъ. 58.
- С. Glowyszczuzna въ Польскомъ
 и Литовско-Русскомъ правѣ. 65.
- III. Вира и головничество или головщина
 въ древнемъ Русскомъ правѣ въ
 сравненіи съ Германскою вирою и
 платою за убійство у Славянъ. . 84.
-

І. Вира въ Германскихъ законо- дательствахъ.

Народы Германскаго происхожденія, не смотря на политическое раздробленіе, представляютъ намъ чудное единство духовной дѣятельности, отъ самаго появленія ихъ въ исторіи и до настоящаго времени. Крѣпкій духъ Германскій, на какой почвѣ онъ ни развивался, какая судьба историческая ни сопровождала его существованія въ разныя времена, всегда успѣвалъ сохранить характеристическія черты своей народности и на внѣшность, его окружавшую, положить печать своей дѣятельности. Отъ этого и языкъ, какъ хранилище мысли народной, остался единымъ, отъ этого также и древнее законодательство Германское представляетъ замѣчательное единство какъ въ

основныхъ началахъ, такъ и въ примѣненіи началъ къ самой жизни.

Изъ предметовъ законодательства нѣтъ ни одного, которымъ бы такъ подробно занимались древніе Германскіе законодатели, какъ судъ объ убійствѣ. Въ каждомъ кодексѣ древнихъ законовъ первое мѣсто занимаетъ рѣшеніе вопроса: «Какое зло должно постигнуть убійцу, и какими средствами удержать мечь родственниковъ убитаго?» Размышляя надъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ, Германскіе законодатели создали виру, понятіе, которое появляется вмѣстѣ съ явленіемъ Германскаго племени въ исторіи и сопровождаетъ образованіе Германскихъ государствъ въ различныхъ странахъ и въ разныя эпохи. Здѣсь особенно отражается сила и единство національнаго духа, и это даетъ намъ возможность изобразить рѣзкими чертами отличный характеръ Германской виры, какъ понятія общаго всѣмъ Германскимъ племенамъ.

Для изображенія характера Германской виры, я считаю нужнымъ сравнить Германскіе законодательства разныхъ временъ, отыскать въ нихъ общія черты, и эти общія черты составятъ характеръ Германской виры. Въ первый разъ

разсматриваемое нами понятіе встрѣчается у Тацита въ такое время, когда Германцы не составляли еще большихъ политическихъ обществъ, а жили отдѣльными племенами. По извѣстіямъ Тацита мы можемъ изобразить виру въ ея первоначальномъ видѣ, какъ она возникла изъ самой жизни народа, безъ примѣси произвольныхъ постановленій законодательной власти. *Leges Barbarorum* дадутъ намъ возможность слѣдить за дальнѣйшимъ образованіемъ Германской виры въ такую эпоху, когда Германцы являются уже не въ видѣ отдѣльных племенъ, но какъ народы, соединенные въ государства единствомъ верховной власти и закона. Чтобъ изобразить характеръ Германской виры въ эту эпоху, я буду заимствовать черты изъ законовъ: Визиготовъ, Франковъ Салическихъ, Бургундцевъ, Рипуаріевъ, Алемановъ и Баюваріевъ. Законы древней Скандинавіи представятъ намъ начала, на которыхъ лежитъ печать глубокой древности, постановленія, возникшія еще во времена язычества, соединенныя съ религіозными вѣрованіями и украшенныя поэзіею. Наконецъ Саксонское Зеркало представитъ намъ послѣднюю степень развитія началъ, служившихъ основаніемъ Германской виры. Здѣсь частное уступаетъ общему, и слѣдовательно вира, какъ удовлетво-

реніе частному лицу уступаетъ мѣсто, въ важнѣйшихъ случаяхъ, чисто уголовнымъ наказаніямъ ⁽¹⁾. Мы увидимъ что, во всѣхъ исчисленныхъ памятникахъ вира является одинаковою: она основывается вездѣ на однихъ и тѣхъ же началахъ, имѣетъ однѣ и тѣже существенныя черты, по которымъ можно узнать ее вездѣ, какъ бы она ни была измѣнена чрезъ соединеніе съ постановленіями другихъ чуждыхъ ей законодательствъ. Если мы схватимъ эти существенныя черты и составимъ изъ нихъ одинъ общій характеръ, то виру, такимъ образомъ представленную, мы будемъ имѣть право признать общею Германскою вирою.

У народовъ, которыхъ высшія способности духа подавлены дикою чувственностію, идея правосудія свѣтитъ тускло въ жизни общественной. Она является темнымъ чувствомъ, можно сказать инстинктомъ, но никогда не перестаетъ дѣйствовать на взаимныя отношенія людей, на какой бы низкой степени образованія ни находилось общество. Такого рода инстинктъ является преимущественно въ не-

(1) Главнымъ правиломъ полагается въ Саксонскомъ Зеркалѣ: alle morderer sal man radebrechen. Der den man slet oder weht oder roubert oder burnet sunder mortbrant u. s. w. den sal man die houbete abslan.

преодолимомъ желаніи мстити за причиненную обиду. Право мести у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низшей степени образованія, есть вѣчно живая идея правосудія, принявшая грубую форму мести. При первоначальномъ образованіи государствъ, когда верховная власть не имѣетъ возможности проникнуть собою весь составъ государства, законодатели пользуются врожденнымъ каждому чувствомъ мести для того, чтобы удерживать частную волю въ предѣлахъ, ей назначенныхъ. Местъ въ ея первоначальной неопредѣленной формѣ является освященною закономъ. Вмѣстѣ съ образованіемъ общества, когда разумъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ грубою чувственностію, съ одной стороны местъ хладѣетъ, а съ другой правительство, уничтожая частный произволъ, само вступаетъ за нарушеніе законовъ. Отсюда является ограниченіе безпредѣльнаго права мести. Законы назначаютъ въ удовлетвореніе обиженному опредѣленную плату, которая бы, вмѣсто неизвѣстныхъ послѣдствій мести, доставляла обиженному выгоду и прекращала вражду ⁽²⁾. На этомъ основаніи образовалась у Германцевъ вира.

⁽²⁾ L. Lond. I. tit. XIV. 6. melius est, ut vivus componat widrigild suum, quam de mortuo crescat faida inter parentes.

Уже во времена Тацита начала Германской виры являются довольно развитыми. Когда совершено было убійство, то родственники убитого могли требовать удовлетворенія судомъ, или могли сами отмстить убійцѣ безъ помощи правительства. Въ первомъ случаѣ судъ приговаривалъ убійцу къ уплатѣ опредѣленной закономъ пени. Но въ преступленіи уже при Тацитѣ начинается законъ различать двѣ части: оскорбленіе, причиненное фамиліи; и вредъ, нанесенный ей умерщвленіемъ одного изъ ея членовъ, а съ другой стороны нарушеніе закона, или преступленіе въ смыслѣ уголовномъ. На этомъ основаніи въ Германскихъ законодательствахъ, во все время существованія виры, плата за убійства составлялась изъ двухъ частей: одна часть принадлежала обиженному, какъ слѣдствіе гражданскаго иска объ удовлетвореніи за причиненный вредъ, а другая часть принадлежала Государству или Государю ^(*). Слѣдовательно плата за убійство у Германцевъ уже въ древнѣйшія времена одною частию принадлежитъ праву гражданскому, а другая ея половина носитъ характеръ чисто уголовный. При дальнѣйшемъ образованіи права, эти два

(*) «Pars multae regi vel civitati, pars ipsi, qui vindicatur, vel propinquis ejus exsolvitur», Tacitus de G. cap. 12.

элемента являлись иногда соединенными въ одномъ взысканіи, какъ на примѣръ въ законахъ Лонгобардовъ ⁽⁴⁾; но по большей части взысканіе, которое платилось за нарушеніе закона судьѣ или государству, является отдѣльнымъ отъ суммы, которая платилась родственникамъ убитаго ⁽⁵⁾; сумма, которую получали родственники убитаго, составляетъ въ собственномъ смыслѣ виру. Мало по-малу элементъ уголовный усиливается, уничтожаетъ виру и самъ является въ видѣ смертной казни.

Все наше дальнѣйшее изслѣдованіе мы можемъ привести, для точнаго опредѣленія Германской виры, къ рѣшенію слѣдующихъ трехъ главныхъ вопросовъ: 1) Какими началами руководствовались законодатели при опредѣленіи количества виры? 2) Кто имѣлъ право мстить и получать виру? и наконецъ 3) Кто долженъ былъ платить виру? На каждый изъ этихъ во-

⁽⁴⁾ L. Long. Tit. IX. 12. 13. Si quis uxorem suam occiderit, componat sol. mille ducentos: medietatem parentibus, qui eam ad maritum duxerunt, et medietatem regi. Si quis puellam aut mulierem liberam occidit componat sol. m. cc. medietatem parentibus et medietatem regi.

⁽⁵⁾ Sachsensp. Lib. III. art. 35. Uppe wene die klegere weragelt oder bule gewint von gerichte, uppe den hevet ok de richtere sin gewedde, of he it yorderen yel.

просовъ мы найдемъ удовлетворительное рѣшеніе въ памятникахъ древнихъ Германскихъ законодательствъ.

Количество виры въ древнихъ Германскихъ законодательствахъ не зависитъ отъ воли истца, но опредѣляется закономъ. Въ первыя времена появленія Германцевъ въ исторіи, когда обычаи управляли народомъ, находимъ мѣру удовлетворенія за убійство уже опредѣленною. Самымъ лучшимъ средствомъ къ удовлетворенію считалось золото (*Gold ist schöner zur Busse, als silber. Cl. zum sächs. III. 45*). Такъ какъ въ древнія времена золото измѣрялось не счетомъ монеты, а вѣсомъ, то для опредѣленія количества виры нужно было принять тяжесть, которая бы служила сравнительною единицею при взвѣшиваніи золота. Такою сравнительною единицею былъ трупъ убитаго. Иногда убійца долженъ былъ сдѣлать золотую статую въ ростъ убитаго, иногда платилъ онъ столько золота, сколько вѣсилъ трупъ, или обязанъ былъ покрыть золотомъ весь трупъ убитаго, и это золото отдавалось мстителю ⁽⁶⁾. Даже въ позднѣйшихъ законахъ Баваріевъ находимъ еще остатки

(6) Zeitschrift für geschicht. Rechtswissenschaft I 11 27

этого страннаго измѣренія количества виры (7). Съ дальнѣйшимъ образованіемъ законодательства, количество платы за убійство является опредѣленнымъ съ большею точностію и выражается числомъ монеты или скота. Съ этого времени законодательства Германскія представляютъ самую подробную и разнообразную оцѣнку жизни человѣческой въ цѣлости и по частямъ. Но при всемъ разнообразіи Германскихъ законодательствъ въ опредѣленіи количества виры, мы можемъ найти начала общія, которыя неизмѣнно повторяются у всѣхъ Германскихъ народовъ и во всѣ времена :

Количество виры назначается сообразно съ состояніемъ, поломъ и возрастомъ убитаго лица (*juxta conditionem suam sc. occisi*). Такъ какъ главная сила народа составлялась изъ лицъ свободныхъ состояній (*liberi, ingeni*) и такъ какъ изъ свободныхъ возникли высшія, а частью и низшія состоянія; то Германское законодательство за сравнительную единицу, при оцѣнкѣ лицъ разныхъ состояній, принимаетъ цѣну, положенную за жизнь свободного чело-

(7) L. Baju. I. 1. 11. Si quis Episcopum occiderit, fiat tunica plumbea secundum statum ejus, et quid ipsa pensaverit auri tantum donet, qui eum occiderit.

вѣка. Вира для благородныхъ состояній есть увеличенная цѣна жизни свободного лица, а *litus* и рабъ получали въ нѣсколько разъ уменьшенную виру свободного (⁸). Увеличеніе виры при оцѣнкѣ лицъ изъ состоянія благородныхъ является весьма разнообразнымъ потому, что образованіе этихъ сословій, ихъ права и обязанности, въ разныхъ государствахъ и въ разныя времена, зависѣли отъ произвола Государей или отъ другихъ случайныхъ обстоятельствъ. По этому законъ увеличенія виры для благородныхъ, не можетъ быть подведенъ подъ одно общее начало. Напротивъ того уменьшеніе виры свободного, для оцѣнки низшаго состоянія, всегда слѣдуетъ постоянному правилу; вира свободного, въ этомъ случаѣ, всегда уменьшается вдвое (⁹).

(⁸) L. Fris. Epil. *Haec omnia ad liberum hominem pertinent, nobilis vero hominis compositio tertia parte major efficitur, liti vero medietate minor est, quam liberi hominis.*

(⁹) По законамъ Саксовъ благородный равенъ былъ шести свободнымъ и 12 литамъ. Въ капитуларіяхъ отношеніе между благороднымъ, свободнымъ и литомъ было такое: 4. 2. 1. но послѣ, когда вира, назначенная за голову благороднаго, казалась недостаточною для прекращенія самоуправства, цину за голову благороднаго увеличили въ три раза, и по этому лилось отношеніе: 12. 2. 1. По законамъ Баваріи равенъ полагается также, различіе между благородными. нѣкоторые роды, именно пять родовъ отличены были двойною вирою, а за голову Герцога положена четверная вира.

Въ отношеніи къ рабамъ законодательства Германскія слѣдуютъ различнымъ началамъ. Въ большей части законодательствъ рабъ цѣнится какъ вещь, по этому за убитаго раба убійца долженъ былъ дать живаго такого же достоинства ⁽¹⁰⁾; но въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, какъ на примѣръ, въ законахъ Фризовъ, рабъ имѣетъ виру (*verigeldus servi*) ⁽¹¹⁾. Мы видѣли, что при оцѣнкѣ лицъ свободнаго состоянія вира увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ свободы, при оцѣнкѣ раба напротивъ количество платы за убійство зависитъ отъ степени употреблемости или отъ пользы, какую убитый рабъ могъ принести своему господину. Законы исчисляють разнаго рода прислужниковъ и ремесленниковъ, присвоя каждому изъ нихъ особенную виру ⁽¹²⁾. Впро-

⁽¹⁰⁾ L. Visig. IX. 1. 2. 5. *Servum æqualis meriti reddere; duos cum eodem paris meriti reformare.*

⁽¹¹⁾ L. Frision. IX. 17.

⁽¹²⁾ Lex salica Г. 10. cap. 2. отмѣчаетъ анциллу отъ porcarius, venator, faber, carpentarius, stator, опредѣляя отношеніе между ними, какъ 25: 70. Въ L. Alaman. виру въ 4 solid. имѣютъ: 1) Pastor porcorum, qui habet in grege. 40 porcos, et habet canem doctum et cornu et juniorem. 2) Legitimus pastor ovium, si 80 capita ovium in grege habet domini sui. 3) Soniscalcus, qui servus est, si dominus ejus duodecim vasos infra domum habet. 4) Mariscalcus, qui super 12 caballos est. 5) Coquus, qui juniorem habet. 6) Pistor similiter. 7) Fa-

чемъ приложеніе виры къ оцѣнкѣ рабовъ есть произведеніе позднѣйшихъ временъ, когда Христіанская религія начала уравнивать людей по ихъ нравственному достоинству. Въ древнѣйшихъ законодательствахъ плату за убійство раба, какъ и за убійство домашнихъ животныхъ, назначалъ господинъ ⁽¹³⁾. По законамъ Визиготовъ убійца могъ за убитаго раба отдать живаго и тѣмъ загладить вину (*servum æqualis meriti reddere* L. Visig. IX, 1. 2. 5).

Въ отношеніи къ полу убитаго лица Германскія законодательства весьма несогласны между собою. Большая часть древнѣйшихъ законовъ цѣнятъ жизнь женщины дороже жизни мужчины. Въ законахъ Аламановъ, Баюваріевъ и Саксовъ вира женскаго пола вдвое болѣе виры мужскаго ⁽¹⁴⁾. Въ законахъ Франковъ Салическихъ, Рипуаріевъ, Фризевъ и въ

ber, aurifex aut spatarius, qui publice probati sunt. Слуги Царскіе (*Pueri regis, homines regis*) имѣли виру свободнаго; а если они занимали должности, присвоенныя благороднымъ, то получали вполвину противъ благородныхъ (L. sal. em. Tit. 16. L. Rip. 53. 9. 10).

(13) L. Eiris. tit. 4. De servo aut jumento alieno occiso. Si quis servum alterius occiderit, componat eum, juxta quod a domino ejus fuerit aestimatus; similiter equi, boves ect.

(14) L. Alam. 67. 68. 4. Baju. 3. 13. Sak. 22.

древнихъ Шведскихъ законахъ между ви́рою мужчины и женщины не было никакого различія ⁽¹⁵⁾, только за убійство дѣвицы законъ Салическій назначаетъ двойную виру ⁽¹⁶⁾. Въ среднемъ періодѣ Германскаго законодательства напротивъ того, женщина цѣнится вполнину противъ мужчины. Сюда относятся постановленія Саксонскаго и Швабскаго Зеркала ⁽¹⁷⁾. Оставаясь вѣрными началу частнаго удовлетворенія, Германскія законодательства опредѣляли также различіе въ платѣ за голову по возрасту убитаго. Законъ Визиготовъ является особенно подробнымъ въ различеніи возрастовъ. Первымъ періодомъ считается существованіе до рожденія въ утробѣ матери и 15 дней послѣ рожденія. Съ возрастаніемъ силъ возрастаетъ и ви́ра: начиная съ 3-го года, до 9-ти лѣтъ цѣна жизни увеличивается десятью солидами на каждый годъ ⁽¹⁸⁾. Полная ви́ра

⁽¹⁵⁾ «Si quis mulierem occiderit, solvat eam secundum conditionem suam, similiter sicut et masculum ejusdem conditionis solvere debet» L. Fris. add. 6.

⁽¹⁶⁾ L. Sal. 289. L. Rip. 13.

⁽¹⁷⁾ Jeclich wib hat ires manes halbe buze und weregelt, Jeclich magt und ungemannet wib hat halbe buze nach deme, als sie geboren ist. Sachs. sp. III. 45. § 2. Сравни также schwabenspiegel p. 402. 6.

⁽¹⁸⁾ L. Salica XXVI. L. Visig. VIII. 4. 16.

есть цѣна полной жизни; но сила жизненная можетъ быть также несовершенно уничтожена, а только нарушена или уменьшена. Развивая одно начало, служившее основаніемъ платѣ за убійство, Германскіе законы раздробляютъ виру для оцѣнки жизненной силы по частямъ. За отнятіе одного изъ главныхъ членовъ полагается обыкновенно половинная вира ⁽¹⁹⁾, каждый палецъ имѣлъ свою особенную виру. Раны и удары орудіями разнаго рода подробно исчислены и оцѣнены ⁽²⁰⁾.

Вира, назначенная первоначально для оцѣнки людей, перенесена въ послѣдствіи къ животнымъ, и цѣна свободного человѣка служила также сравнительною единицею для оцѣнки птицъ и звѣрей. Особенными преимуществами пользовались животныя, которыя употреблялись для охоты. Иногда за убійство животнаго назначается вира, равная вирѣ свободного человѣка ⁽²¹⁾. Саксонское Зеркало особенно отли-

⁽¹⁹⁾ Kofor Ancher. Farrago ligum antiquarum Danie municipa-
lis § 3. pro manus vel pedis truncatione dimidia emenda
hominis interfecti.

⁽²⁰⁾ Въ отношеніи къ орудіямъ отличаются: flagellum fustis,
calix, pugnus. L. Burg. 41. 2.

⁽²¹⁾ L. Alam. 71. Si quis homo in equo suo caballicaverit et ali-
quis eum super ipsum plagare voluerit, caballum eius pla-

чается мелочными подробностями, въ которыхъ исчисляется цѣна птицъ и животныхъ по ихъ возрастамъ такъ, что уголовная часть этого памятника представляетъ болѣе статистическую таксу, нежели уголовный кодексъ ⁽²²⁾. Изъ подробнаго изчисленія преступленій и точной оцѣнки вреда, причиненнаго преступникомъ, можно заключить, что уголовные Германскіе законы, въ ихъ грубомъ видѣ, стремились утвердить систему абсолютныхъ наказаній. Когда плата за убійство не имѣла законной силы, тогда единственнымъ судьей преступленія былъ истецъ. Его судъ былъ произволенъ, мѣра наказанія неограничена. Изъ этой крайности, которая уничтожала возможность правосудія, Германскія законодательства впали въ другую крайность, уничтоживъ всякое разумное участіе судьи въ обсуживаніи преступленій мѣры вины и въ назначеніи наказанія, сообразнаго съ преступленіемъ. Мѣру виновности Германскія законодательства отыскиваютъ не въ самомъ преступленіи, а совершенно во внѣшнемъ и случайномъ предметѣ—въ убитомъ лицѣ. Требуя отъ всѣхъ сословій одинакое ко-

gaverit, ita plagam caballi componat, quemadmodum componere debuit, si domum ejus plagasset,

⁽²²⁾ *Sachsens. Lib. II. ak. 16.*

личество платы за голову, Германская такса не равно наказывала преступниковъ, потому, что богатый могъ легко загладить свое преступленіе, между тѣмъ какъ бѣдный лишился всего своего имущества, или дѣлался рабомъ.

Изложивъ начала, которыми руководствовались Германскія законодательства въ опредѣленіи количества виры, я теперь перейду къ изслѣдованію вопроса: «На комъ лежала обязанность платить виру?»

Обязанность платить виру лежала не на одномъ преступникѣ, но родъ, къ которому принадлежалъ преступникъ, долженъ былъ участвовать въ платѣ за убійство. Это мы встрѣчаемъ уже у Тацита, когда Германцы являются раздѣленными на роды, независимо существовавшіе одинъ подлѣ другаго. Каждый родъ отвѣчалъ за своихъ членовъ, и съ другой стороны, каждый членъ долженъ былъ принимать участіе въ дружественныхъ и враждебныхъ отношеніяхъ своего рода къ другимъ подобнымъ ему обществамъ ⁽²³⁾. Если истецъ отвергалъ

(23) Tacitus de Germ. c. 21. Suscipere tam inimicitias seu patris seu propinqui, quam amicitias necesse est.

плату, которую предлагалъ убійца для примиренія; то, воставалъ весь родъ съ подданными и рабами, преслѣдовалъ преступника, отомщалъ за обиду или погибалъ самъ. Но когда истецъ соглашался взять плату за убійство и отказаться отъ мщенія, то сначала уплачивалась вира имуществомъ самаго преступника. Если это имущество было недостаточно, то обязанность платить виру переходила къ родственникамъ убійцы по степенямъ родства. Въ законахъ Франковъ Салическихъ сохранилось символическое дѣйствіе, посредствомъ котораго преступникъ переносилъ обязанность платить виру на своихъ родственниковъ. Это символическое дѣйствіе, называемое *Sühneschuldig*, носитъ печать глубокой древности. Отецъ, мать, и братья родные обязаны были прежде другихъ родственниковъ платить вмѣсто убійцы. Если ихъ не было, или они были такъ бѣдны, что не могли вполне удовлетворить истца; то обязанность переходила къ сестрѣ матери преступника и ея сыновьямъ; далѣе слѣдовали три ближайшихъ родственника со стороны отца и матери. Если ни одинъ изъ этихъ родственниковъ не былъ въ состояніи уплатить виру; то истецъ бралъ къ себѣ преступника, выводилъ его четыре раза на площадь, и если никто не давалъ выкупа, то истецъ дѣлался полнымъ властителемъ надъ жиз-

нію и смертію убійцы (²⁴). Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ участіе родственниковъ въ платежѣ виры является необходимымъ, хотя бы самъ преступникъ и былъ въ состояніи уплатить всю требуемую закономъ сумму изъ соб-

(²⁴) L. Sal. 61. Si qui hominem occiderit et in tota facultate non habuerit, unde totam legem impleat, duodecim juratores dabit, quod nec subtus ferram, neque supra terram plus de facultate habeat, quam donavit. Et postea debet in casam suam intrare et de quatuor angulis terrae pulverem in pugno colligere et postea in duropello stare et intus casam cupitare debet et sic de sinistra manu trans suas scapulas jactare super supremiorem parentum. Quod si jam pater aut mater seu frater pro ipso soluerunt, super sororem tunc matris, aut super ejus filios debet illam terram jactare: quod si isti non fuerunt, super tres de generatione patris aut matris, qui proximiores sunt: et postea in camisa discindus, discalceatus, palo in manu supra sepem salire, ut pro medietate, quantum pro compositione deberet, aut quantum lex addicat, illi tres solvant de materna generatione: hoc et illi alii, qui de paterna generatione veniunt, facere debent. Si vero aliquis ex illis pauperior fuerit et non habet, unde integrum solvat debitum, quicumque de illis plus alio habet, exsolvat et iterum super illum chrenechruda, ille qui est pauperior jactet, et ille totam legem solvam, quod si hic etiam non habet, ut legem solvat et totam legem componat, tunc illum, qui homicidium fecit, tollit, qui eum in fide sua habet et per quatuor mallos praesentem faciat, et si eum per compositionem aut fidem nullus suorum tulerit, hoc est eum redimat, aut eo persolvit, tunc de vita componat. Этотъ обрядъ въ Декретѣ Гильдеберта названъ языческимъ и отмѣненъ: L. Sal. XV. De Chrenechruda, lex, quam paganorum tempore observabant deinceps nunquam valeat, quia per ipsam cecidit multorum potestas.

ственного имущества. Это постановление находимъ подробно развитымъ особенно у народовъ Скандинавскихъ. — Вирадѣлилась на кольца. Главныхъ колецъ, которыми должно было уплатить виру, назначено четыре: первое кольцо въ три марки долженъ дать отецъ, сынъ или братъ, второе кольцо въ двадцать унцій — дѣдъ по отцу и по матери, также внуки отъ сына и дочери, третье кольцо въ двѣ марки дяди и племянники, а остальное кольцо въ двенадцать унцій падаетъ на двоюродныхъ братьевъ. Кромѣ этихъ четырехъ колецъ еще должно было выплатить шесть колецъ, уменьшающихся постепенно отъ одной марки, до одной унціи. Ихъ уплачиваютъ дальнѣйшіе родственники до шестой степени даже въ боковыхъ линіяхъ. Въ древнемъ Саксонскомъ законѣ за убійство благороднаго платилась простая вира и кромѣ того сумма въ восемь разъ большая простой виры. Родственники убійцы до седьмой степени уплачивали $\frac{1}{3}$ простой виры, а всю остальную сумму обязанъ былъ уплатить самъ преступникъ ⁽²⁵⁾.

(25) Si mordit on quis fecerit, componatur primo in simplo juxta conditionem suam, cujus mulctae pars tertia in proximis ejus, qui facinus perpetravit, componenda est; duae vero partes ab illo et insuper acties ab eo componatur, et ille ac filii ejus sint fidejosi L. Sax, II, 6.

Если убійца померъ, не удовлетворивъ истца, то обязанность платить виру переходила къ ближайшимъ родственникамъ по правиламъ наследства.

Изъ отдѣльныхъ семей составлялись общества, которыя избирали изъ своей среды судей и заботились сами о своей внутренней безопасности, однакожь обязанность платить вмѣсто преступника никогда не падала на цѣлое общество, къ которому принадлежалъ убійца. Следовательно ручательство общества—(*Gesamtbürgschaft*, *fidejussio universalis*) несвойственно Германскимъ законодательствамъ. Изъ этого общаго правила находимъ исключеніе въ законахъ Англосаксовъ и Франковъ, гдѣ цѣлое общество, къ которому принадлежалъ убійца, обязано было платить виру, въ случаѣ несостоятельности самого убійцы и его родственниковъ⁽²⁶⁾. Если *litus* уличенъ былъ въ убійствѣ и доказывалъ, что совершилъ преступленіе по приказанію своего господина, то господинъ платилъ виру⁽²⁷⁾.

⁽²⁶⁾ Feuerbach, de universali fidejussione, quam germanice Gesamtbürgschaft vocant: Nürnberg. 1826. Weike, die Grundlagen der frühern Verfassung Deutschlands. Leipzig, 1836 p. 39.—

⁽²⁷⁾ L. Sax. XI. 3. Quidquid servus aut litus jubente domino perpetravit, dominus emendet.

Но если господинъ отрицалъ всякое участіе въ совершившемся убійствѣ, то долженъ былъ присягнуть съ двенадцатью свидѣтелями въ своей невинности, и тогда вся отвѣтственность падала на совершившаго убійство ⁽²⁸⁾. Рабъ не имѣлъ политической личности, но былъ принадлежность господина, и только посредствомъ своего господина онъ имѣлъ отношеніе къ обществу. По этому господинъ всегда отвѣчалъ за поступки раба, хотя бы онъ и доказалъ, что не принималъ въ нихъ никакого участія ⁽²⁹⁾. Рабъ не имѣлъ даже права присягать въ доказательство своей невинности, а за него присягалъ господинъ съ шестью свидѣтелями ⁽³⁰⁾. По законамъ Франковъ Салическихъ рабъ, совершившій убійство надъ свободнымъ, отдавался родственникамъ убитаго за половину виры, а остальную половину доплачивалъ его госпо-

⁽²⁸⁾ L. Sax. II. 5. Si dominus liti dicit se in hoc conscium non esse, cum duodecim juret.

⁽²⁹⁾ Это выражено въ видѣ общаго правила у Англовъ и Перлиговъ: «omne damnum, quod servus fecit dominus emendet». XVI. Sex. Sax. XI. IV. Si servus scelus quodlibet nesciente domino commisit, ut puta homicidium aut furtum, dominus ejus pro illo juxta qualitatem facti mulctam componat.

⁽³⁰⁾ L. Dip. VII. Si servus servum interfecerit, dominus ejus XXXVI. sol. culp. jud. solvat, aut cum VI. juret, quod servus ejus non fecisset.

динъ⁽³¹⁾. Если рабъ, совершивъ убійство, бѣжалъ, то связь между имъ и господиномъ прерывалась. Онъ переставалъ быть принадлежностію своего господина, и тогда господинъ свободенъ былъ отъ платежа виры; но если рабъ опять возвращался, то вмѣстѣ съ тѣмъ являлась и обязанность платить виру⁽³²⁾.

Вира, которую платилъ убійца и его родственники, не принадлежала ближайшему наследнику убитого, но дѣлилась между членами цѣлаго рода. Этотъ законъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ Германскихъ законодательствахъ, какъ при первомъ появленіи Германцевъ въ исторіи, такъ и при дальнѣйшемъ образованіи государства. Местъ въ первоначальной неопредѣленной формѣ была правомъ цѣлаго рода. Когда право мести замѣнено было вирою, то и вира должна была также принадлежать цѣлому роду убитого. Только законы Туринговъ дѣлаютъ

(³¹) L. Salica XXXVIIV. 8. Si servus ingenuum hominem occiderit, ipse homicida pro medietate compositionis hominis occisi parentibus tradatur et aliam medietatem dominus servi se noverit soluturum. Cf. L. Long. VII. XX.

(³²) L. Sax. XI III. «Si servus perpetrato facinore fugerit, ita ut a domino ulterius inveniri non possit, nihil solvat. V. Si servus iterum a domino receptus fuerit, mulctam pro illo componat.

исключеніе изъ этого общаго всѣмъ Германскимъ законодательствамъ правила. Въ этихъ законахъ право мстить и получать виру принадлежитъ исключительно одному только ближайшему наслѣднику убитаго ⁽³³⁾. Германскія законодательства различно опредѣляютъ степени родства, до которыхъ должно простираться право мстить и получать виру. По большей части принимается общимъ правиломъ, что тѣ лица, на которыхъ пала бы обязанность платить виру, если бы кто нибудь изъ ихъ рода совершилъ убійство, имѣютъ и право получать плату за убійство. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ право мстить и получать виру не ограничивается никакою степенью родства, такое постановленіе мы находимъ въ законахъ Визиготовъ ⁽³⁴⁾. Но родство не всегда давало право получать виру: необходимымъ условіемъ была еще способность лица начать вражду и совершить месть (*qui faidam levare possunt*). На этомъ основаніи женскій полъ не имѣлъ права

⁽³³⁾ L. Turing. IV. 5. «Ad quemcunque hereditas terræ pervenerit, ad eum vestis bellica, id est lorica et ulio proximi et solutio leudis debet pertinere.»

⁽³⁴⁾ L. Wisig. Lib. VI. XV. Si ejusdem proximi ad quærenda defuncti mortem aut tepidi fuerint aut forte distulerint, tum accusandi homicidium omnibus generaliter, tam alius parentibus, quam externis aditum facinus.

получать виры ⁽³⁸⁾. При раздѣлѣ виры на части между родственниками убитого, обращалось вниманіе на близость родства. Въ большей части законодательствъ двѣ трети виры принадлежали мстителю, а оставшая часть шла въ родъ. У Скандинавовъ право получать плату за убійство переходитъ къ родственникамъ убитого такимъ же порядкомъ, какъ и право наследства, съ тѣмъ только различіемъ, что ближайшій родственникъ не устранялъ отдаленнѣйшаго. Даже если вдова, оставшаяся послѣ убитого, выходила замужъ, то право получать виру и мстить переходило къ ея второму мужу. (Zeitschrift für geschichtl. Rechtswiss. I. 327). При дѣлѣжѣ, такъ же какъ и при уплатѣ виры, вся сумма, полученная отъ убійцы и его родственниковъ, раздѣлялась на четыре главныхъ кольца. Первое или главное кольцо въ три марки принадлежало отцу, сыну и брату, второе кольцо въ 20 унцій — дѣду по отцу и по матери, также внукамъ убитого, третье кольцо въ 2

⁽³⁸⁾ Si ipse quis occisus est filium masculum non reliquerit, quamquam filias instituissimus heredes sicut masculos in omnem substantiam patris aut matris, ipsam tamen compositionem volumus ut accipiant parentes ejusdem propinqui, qui occisus fuerit, illi qui per caput succedere possunt. Quia filiae ejus, eo quo femineo sexu esse probantur, non possunt ipsam fardam levare. L. Longobard. II. 13.

марки отдавалось дядямъ и племянникамъ, а послѣднее въ 12 унцій принадлежало двоюроднымъ братьямъ. Дальнѣйшіе родственники дѣлили 6 колецъ, которыя отъ одной марки понижались въ цѣнѣ до одной унціи. Право на участіе въ полученіи кольца принадлежало только родственникамъ мужескаго пола. Изъ лицъ женскаго пола только жена и дочь имѣли право на полученіе кольца. Впрочемъ этотъ законъ есть исключеніе изъ правила общаго всѣмъ Германскимъ законодательствамъ потому, что по общему правилу, тотъ могъ только получать плату за убійство, кто имѣлъ способностъ мстить, а въ Германскихъ законодательствахъ, женщина не могла мстить, и слѣдовательно не должна участвовать въ полученіи виры. Плата за убійство раба принадлежала господину, который оцѣнивалъ убитаго и получалъ плату. Только въ законахъ Франковъ господинъ обязывается часть платы за убійство удѣлить родственникамъ (L. Fris. 1. IX).

При изслѣдованіи вопроса: кто имѣлъ право мстить и получать виру? мы предполагали, что послѣ убитаго остались родственники. Если убитый не оставилъ послѣ себя никого, кто имѣлъ бы право мести; то вира принадлежала государству, какъ всякое другое выморочен-

ное имѣніе, или Королю, какъ представителю государства ⁽³⁶⁾.

Изложенное мною подробное изслѣдованіе Германской виры въ ея разнообразныхъ формахъ, въ разныя времена и у разныхъ народовъ Германскихъ, даетъ мнѣ возможность отдѣлить общее отъ частнаго, собрать существенныя черты Германской виры и изобразить ея характеръ въ немногихъ словахъ.

1. Вира Германская, въ первоначальной древнѣйшей формѣ уже заключаетъ въ себѣ элементъ уголовный: часть ея платится государству или представителю государства за преступленіе закона, а другая часть служитъ удовлетвореніемъ обиженному. Эти двѣ совершенно различныя части виры, никогда не соединяясь, живутъ до тѣхъ поръ, пока первая изъ нихъ, усиливаясь постепенно, не получила наконецъ отдѣльнаго, самостоятельнаго существованія и не превратилась въ чисто уголовное наказаніе.

2. Опредѣляя количество виры, законодательства обращаютъ вниманіе не на важность

⁽³⁶⁾ L. Baju. 11. 20. 4. L. Sal. omend. LXV. L. Longob. T. IX. 12.

преступленія и не на лице преступника, но оцѣниваютъ жизнь убитаго, и по этому количество виры соразмѣряется съ званіемъ, поломъ и возрастомъ убійцы. Въ мелочныхъ подробностяхъ замѣтно стремленіе утвердить начало абсолютныхъ наказаній, исключивъ совершенно произволъ судьи въ обсуживаніи преступленія и въ назначеніи наказанія.

3. Сравнительною единицею при опредѣленіи количества виры принимается цѣна свободнаго человека, увеличивается или уменьшается, смотря по уменьшенію или увеличенію свободы. Рабъ есть вещь и вира раба увеличивается или уменьшается, смотря потому больше или меньше онъ могъ доставить прибыли своему господину.

4. Жизнь дробится на части и каждая часть имѣетъ свою виру. За отнятіе главныхъ членовъ платится полувиріе. Отъ людей вира переносится и на животныхъ.

5. Виру платитъ не одинъ убійца своимъ имуществомъ, но въ платежѣ участвуютъ его родственники, иногда безъ всякаго ограниченія, а иногда съ ограниченіемъ въ отношеніи къ степенямъ родства.

6. Общество, которому принадлежалъ убійца, было свободно отъ платежа виры.

7. Право мстить не ограничивалось ближайшими родственниками убитаго, но принадлежало цѣлому роду; также и виру не имѣлъ права удержать одинъ ближайшій родственникъ убитаго, но дѣлился ею съ другими родственниками.

Вотъ форма Германской виры съ ея общими началами и частными видоизмѣненіями! Требовалось продолжительной законодательной дѣятельности, чтобъ упицтожить это понятіе, обработанное вѣками, проникавшее собою всѣ части Германскаго законодательства. Двѣ задачи нужно было рѣшить законодателямъ: съ одной стороны нужно было начало частнаго удовлетворенія, служившее основаніемъ системѣ виръ, замѣнить какимъ нибудь высшимъ, болѣе сообразнымъ съ идеею правосудія началомъ; а съ другой уничтожить абсолютную опредѣленность наказаній, дать свободу судья въ изслѣдованіи преступленія и въ назначеніи наказанія по мѣрѣ виновности. Отъ рѣшенія этихъ двухъ задачъ зависѣла историческая судьба Германской виры.

Уже въ древнихъ памятникахъ, гдѣ, вѣра обнимаетъ собою всѣ части законодательства, начинаютъ появляться, хотя только въ видѣ абстрактныхъ формулъ, высшія начала уголовного права. Иногда начало устрашенія, иногда Богопочтеніе и уваженіе къ церкви и Св. Угодникамъ, стоятъ въ законахъ вмѣстѣ съ началомъ частнаго удовлетворенія ⁽³⁷⁾. Въ концѣ Каролинскаго періода смертная казнь получаетъ законную силу для важнѣйшихъ преступленій (*compositio sanguinis effusione*) ⁽³⁸⁾. Не смотря однакожъ на явленіе новыхъ началъ, вѣра Германская существовала во все продолженіе среднихъ вѣковъ, а у нѣкоторыхъ народовъ (наприм. у Франковъ) даже до 16-го вѣка. *Carolina* начала періодъ новаго уголовного законодательства, но она возбудила противъ себя сильное сопротивленіе именно потому, что не заключала въ себѣ постановленій о *вирѣ* и другихъ средствахъ, которыми преступникъ удовлетворялъ оскорбленнаго ⁽³⁹⁾.

⁽³⁷⁾ D. Alam. 3. 4. ut alii cognoscant, quid sit timor Dei in christianis et honorem ecclesiis impendant L. Baju. 1. 7. 4. ut honor Dei, et reverentia Sanctorum et Ecclesiae Dei semper invicta sit.

⁽³⁸⁾ L. Burg. 2. 1. Cap. Carol. Calv. pro Hisp. 3.

⁽³⁹⁾ Mittermaier Strasverfahren 1. S. 110.

Эти существенныя черты я считаю достаточными для изображенія отличительнаго характера Германской виры. Ихъ всеобщность, ихъ вѣковое существованіе и твердость, съ какою онѣ противостояли вліянію новыхъ уголовныхъ началъ, доказываютъ, что онѣ были чисто народнымъ произведеніемъ, возникшимъ изъ внутренней жизни Германцевъ. При изслѣдованіи Славянскихъ законодательствъ, я буду имѣть въ виду эти характеристическія черты, и употреблять ихъ пробнымъ камнемъ для распознаванія германизма въ Славянскихъ законахъ.

II. ПЛАТА ЗА ГОЛОВУ У СЛАВЯНЪ.

Обычай, которыми управлялись Славянскія племена до соединенія въ государства, остались для насъ неизвѣстными. Византійскіе писатели не старались, подобно Тациту, понять духъ и изобразить въ существенныхъ чертахъ внутреннюю жизнь Славянскаго народа. Они останавливаются на внѣшнихъ отношеніяхъ Славянъ къ другимъ народамъ и только мимоходомъ упоминаютъ, что Славяне имѣли свои народные обычаи (Σκλαβῶνων ἔθνη). По этому отношенію убійцы къ обществу и къ родственникамъ убитаго остается неизвѣстнымъ. Только отно

мѣсто у Маврікія (585—602) бросаетъ слабый свѣтъ на разсматриваемое нами понятіе. Описывая гостепріимство Славянъ, Маврікій говоритъ, что они даютъ чужеземцамъ проводниковъ. Если, не смотря на эту предосторожность чужеземецъ претерпѣвалъ вредъ, то проводникъ долженъ былъ выдержать мечь отъ своихъ сосѣдей, которые считали благочестивымъ дѣломъ мстить за чужеземца ⁽⁴⁰⁾. При всей неопредѣленности словъ Маврікія, мы замѣчаемъ, въ приведенномъ нами Славянскомъ обычаѣ, совершенную противоположность съ обычаями Германскими. Здѣсь мечь имѣетъ основаніемъ религіозное чувство (*σέβας ἡγούμενος*). Это начало мы найдемъ развитымъ въ позднѣйшихъ законодательствахъ. Въ Германскихъ законахъ напротивъ того мечь имѣетъ основаніемъ частное удовлетвореніе и наказаніе за нарушеніе закона. Изъ этихъ различныхъ началъ выведены были также и различныя слѣдствія. У Славянъ всякое убійство, совершенное

(40) Mauricii Strategicum 1. XI. Εἰσι δὲ τοῖς ἐπιξενουμένοις αὐτοῖς ἥπιοι, καὶ φιλοσποννοῦμενοι αὐτοὺς διασώζουσιν ἐκ τοῦ πον εἰς τόπον ὅν αὐτοὶ δέωνται, ὡς εἶγε δι' ἀμέλειαν τοῦ ὑποδεχομένου συμβῇ τὸν ξένον βλαβῆναι; πόλεμον κινεῖ κατ' αὐτὸν ὁ τοῦτον παραθέμενος, σέβας ἡγούμενος τῇ τοῦ ξένου ἐκδίκησιν.

надъ своимъ или иностранцемъ, требовало мести, какъ религіознаго долга; напротивъ того у Германцевъ, если убитый оставилъ родственниковъ въ другомъ государствѣ, то онъ оставался неотмщеннымъ, потому что родственники его, какъ иностранцы, не могли начать вражду для своего удовлетворенія въ чужой землѣ, гдѣ совершилось убійство. По этому, когда мечь замѣнена вирою, родственники иностранца не имѣли права требовать удовлетворенія ⁽⁴¹⁾; только за нарушеніе закона убійца платилъ пеню, которая поступала Королю или государству ⁽⁴²⁾.

Займствованная мною у Византійскихъ писателей черта еще недостаточна для изображенія полнаго характера платы за голову у Славянъ. Чтобъ рѣшить предложенную задачу, я долженъ изслѣдовать это понятіе, какъ оно являлось въ разныя времена у разныхъ Славянскихъ народовъ уже по соединеніи ихъ въ государства. Для этой цѣли я пройду рядъ законодательствъ, дошедшихъ до насъ въ письменныхъ памятникахъ отъ древнѣйшихъ временъ. Законодательство Богемское, Моравское и древ-

⁽⁴¹⁾ L. Sal. 44. 1. Emend. 43. 1.

⁽⁴²⁾ I Rimm. T. 3. 1. 6

нее Мазовѣцкое представятъ намъ Славянизмъ, сохранившійся въ наибольшей чистотѣ; въ Польскомъ и Литовскомъ правѣ мы найдемъ перевѣсъ Германскихъ законовъ и права Римскаго надъ Славянскими обычаями; у Сербовъ жили древнія Славянскія начала вмѣстѣ съ буйною свободою и подчинились праву Византійскому; какъ только частный произволъ началъ исчезать предъ усилившеюся монархическою властію. Во всѣхъ исчисленныхъ мною законодательствахъ, отдѣливъ Славянизмъ отъ примѣси знакомыхъ намъ постановленій права Германскаго и Римскаго, мы будемъ имѣть возможность представить чисто Славянскія начала, на которыхъ основывалась мѣсть и плата за убійство у Славянъ. Изобразивъ характеръ Германской и Славянской платы за убійство, я приступлю къ изслѣдованію древняго Русскаго права.

А. НЛАВА, НЛАВНА РЕНЖЕ ВЪ БОГЕМСКОМЪ И,

МОРАВСКОМЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХЪ.

Въ древнемъ Богемскомъ и Моравскомъ законодательствахъ судъ о убійствѣ имѣлъ три періода: періодъ безпредѣльной мести, когда убійца отдавался мстителю на жизнь и на смерть;

періодъ мести ограниченной, когда мститель долженъ былъ принять выкупъ; наконецъ періодъ уничтоженія древнихъ началъ и перехода отъ частной мести къ публичнымъ наказаніямъ. Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ мы встрѣтимъ начала совершенно отличныя отъ началъ Германскаго законодательства. Въ древнѣйшихъ памятникахъ Богемскаго законодательства месть является не средствомъ къ удовлетворенію за обиду и не дикимъ инстинктомъ, побуждающимъ платить зломъ за зло, но она является религіозною обязанностію, исполненіе которой необходимо для спокойствія и блаженства души убитаго. Эта мысль такъ глубоко срослась съ жизнію народа Богемскаго, что уже въ послѣдствіи времени, когда Христіанская религія утвердила новыя понятія о душѣ и безсмертіи, долго не исчезала вѣра въ необходимость мести, даже она является нѣкоторое время освященною обрядами Христіанской религіи, которая, щадя привязанность людей къ кореннымъ обычаямъ, иногда допускала языческіе обычаи, смягчала ихъ своими началами, пока не наступало время уничтожить ихъ (¹). Если родственникъ уби-

(¹) Такъ поступало Христіанство и съ испытаніемъ водою и желѣзомъ, обычаемъ безъ всякаго гнѣва и мести.

таго рѣшался заглушить въ себѣ голосъ мести, слѣдуя правиламъ Христіанской добродѣтели, то убійца долженъ былъ подвергнуться по крайней мѣрѣ символической смерти, и эта символическая смерть была *покора* (*Pokora wraźedlnika*). Я представляю этотъ обрядъ по древней рукописи, найденной Ганкою въ библіотекѣ Князя Фюрстенберга (*Jurium 11do fol. 139*).

Убійца съ одинадцатью родственниками или знакомыми долженъ былъ итти ко гробу убитаго. Всѣ они шли, одѣтые въ саваны, босые безъ поясовъ съ непокрытыми головами и со свѣчами въ рукахъ. Когда они приближались къ кладбищу, то родственники убитаго спрашивали убійцу: *co źadass?* и убійца отвѣчалъ: «я убилъ покойника N и желаю совершить покору съ правою вѣрою.» И тотчасъ съ обнаженнымъ мечемъ долженъ былъ итти съ своими родственниками на гробъ убитаго, стать на колѣни и пропѣть «Отче нашъ» Отецъ и мать убитаго съ прочими родственниками сидѣли на порогѣ костела, и убійца подходилъ къ нимъ, становился на колѣни и просилъ, чтобъ ему простили немудрый поступокъ ради Бога, Матери Божіей и всѣхъ Святыхъ, потомъ вручалъ обнаженный мечъ ближайшему родственнику убитаго, подставлялъ свою голову

подъ остріе меча и въ этомъ положеніи сознавался, что онъ также безсиленъ, какъ тотъ, надъ кѣмъ онъ совершилъ убійство, называлъ себя мертвымъ и просилъ державшаго надъ его головою мечъ оживить его. И державшій мечъ долженъ былъ сказать: «оживляю тебя!» три раза повторялось такое символическое дѣйствіе, и послѣ этого ближайшій родственникъ убитаго изрекалъ убійцѣ прощеніе отъ лица всѣхъ своихъ родственниковъ. Въ заключеніе пѣты были молитвы по душѣ убитаго.

Въ этотъ религіозный періодъ мести находимъ, что убійца отдавался мстителю въ полную власть на жизнь и на смерть, что мститель могъ лишить убійцу жизни, или взять все его имущество, или удовольствоваться частию имущества, или простить, не требуя никакого удовлетворенія. Законъ не смѣлъ мѣшаться въ религіозное вѣрованіе народа, утвержденное вѣками. Когда мститель, не прибѣгая къ суду, рѣшался начать вражду; то въ такомъ случаѣ обычай требовалъ, чтобы мститель увѣдомилъ убійцу о намѣреніи начать совершеніе мести, и для этого отправилъ бы посла въ жилище преступника. Съ того дня, въ который отправлено объявленіе, и до заката солнца на третій день мститель не смѣлъ на-

чать вражды ⁽²⁾. Преступникъ старался, въ продолженіи трехъ дней, умиловить родственниковъ убиитаго, предлагая имъ выкупъ, и законъ не мѣшался въ ихъ переговоры ⁽³⁾. Постепенное ограниченіе этой безпредѣльной власти родственниковъ убиитаго надъ убійцею составляетъ исторію платы за голову въ Богемскомъ законодательствѣ. Трудно опредѣлить время, когда неограниченное право мести у Богемцевъ подчинено было законамъ; первое ограниченіе мы встрѣчаемъ уже въ 14 вѣкѣ ⁽⁴⁾. Право мстить смертію за смерть, безъ суда отмѣнено законами подъ угроженіемъ потери чести, довѣрія, изгнанія изъ отечества и отобранія всего имущества въ казну. Право родственниковъ убиитаго на жизнь убійцы было

(2) Ctibor z Gowarczowa. 25.

(3) Jura primæva Baronum, Nobilium totiusque universitatis et vulgi provincie Brunensis. 1237. 32, "Quando qui interficitur in via confusio magna inde fit. Solent opponi denarii, aurum et argentum etc."

(4) Na právu swobodném o každú věc buď o diědinu, o dluh, o škodu, neprzicezen, násitě podáwenie, unos, neb oczkoli každý człowiek gma dosti gmioti, jiných wssech wiece neb pomst neekraje, pod pokutu cti, wiery a vyhnanie z země, za zhubei a za zlodjeje zemského a pod stracením sweho statku wsseho i nápadu, jakáž to panský nález obecny swiedczy. Ondrż z Dube 3. Takžé God. Talěmbergicus, Primo Stěphaní XVIII. fol. 54.

отмѣнено, а предоставлено было только право на имущество. Какимъ же образомъ Богемское право предписываетъ убійцѣ удовлетворять родственниковъ убитаго имуществомъ? Какими оно руководствовалось началами для опредѣленія количества платы за голову? Кто уплачивалъ головныя пенязи, и кто получалъ ихъ? При изслѣдованіи этихъ вопросовъ я буду слѣдовать тому же порядку, какому слѣдовалъ я при изслѣдованіи Германской виры.

Опредѣленіе количества платы за голову у Богемцевъ находится въ совершенной противоположности съ законодательствами Германскими. Отмѣнивъ право мстить смертію за смерть, Богемское законодательство не рѣшилось оцѣнивать жизнь человѣческую по состоянію убитаго лица или по важности оскорбленія, но предоставило самому истцу оцѣнивать потерю, назначать плату и предлагать свое требованіе на разсужденіе Кметовъ. Прежде всего родственникъ убитаго могъ предложить убійцѣ кончить дѣло безъ суда, по добровольному согласію, и самъ предлагалъ условія, на которыхъ онъ соглашается примириться съ убійцею. Если убійца не соглашался на требованіе, то истецъ подавалъ въ судъ жалобу объ убійствѣ и деньгахъ, во сколько онъ цѣнитъ го-

лову уби́таго. «Объявляю вашей милости, говорилъ онъ судьямъ, что я по́звалъ на судъ врага своего, который убилъ моего брата. И я хочу, по всей формѣ суда вести искъ о го́ловѣ и деньгахъ, во сколько я цѣню ту го́лову, (8)». Дѣло шло гражданскимъ судомъ; плата за голову была чисто гражданскимъ удовлетвореніемъ за вредъ и никогда не принадлежала государству, какъ штрафъ за нарушение закона. Если отвѣтчикъ являлся на судъ и не признавался въ преступленіи, но не могъ доказать правоты своего дѣла присягою: то наказывался смертію; а если доходило дѣло до поединка и истецъ одерживалъ побѣду, то онъ отрѣзывалъ своею рукою голову побѣжденному. клалъ ее между ногъ уби́таго, бросалъ два галера на обезглавленный трупъ, становился на колѣни и благодарилъ пановъ за правосудіе, Впрочемъ и здѣсь договоръ тяжущихся былъ выше закона. Тяжущіеся могли уговориться, какъ долженъ поступать истецъ съ побѣжденнымъ на поединкѣ отвѣтчикомъ. Но если отвѣтчикъ не явился на судъ, то жалоба истца

(8) R. Z. P. 2. «Opowiedám sie wassie miłości, że sem pohnał wraha swého, jenż jest zabił mého bratra, a to chci wést przed pány s plnyin prawem i z hlawy i z peniez, w czymż tu hlawu pokładam.

признавалась правою, и въ такомъ случаѣ истецъ посылалъ коморника (Bedellus) къ отвѣтчику, чтобъ начать переговоры о платѣ за убійство (o hlawnjsh renjziesch). Три раза являлся къ отвѣтчику посолъ съ такимъ предложеніемъ, объявлялъ объ этомъ въ домъ отвѣтчика и на площади. Послѣ этого, если отвѣтчикъ не вступалъ въ переговоры съ истцемъ, то судьи въ имущество отвѣтчика вводили истца, который отдѣлялъ себѣ часть, равную количеству денегъ, во сколько онъ оцѣнилъ голову убитаго. У Нѣмцевъ этимъ бы и отличалась вражда, но Богемская мечь продолжалась и по полученіи платы за голову. Если истецъ гдѣ нибудь находилъ убійцу, то могъ сдѣлать его своимъ рабомъ, или убить и, проколовъ голени, привязать за ноги къ конскому хвосту и повлечь къ висѣлицѣ. Въ этомъ жестокомъ правѣ немолимой мести мы находимъ одну весьма оригинальную черту, именно, если убійца будетъ найденъ мстителемъ у жены своей и жена прикроетъ его своею одеждою или обниметъ его, то мститель не смѣлъ коснуться своей жертвы. Убійца оставался также неприкосновеннымъ, если мстившій находилъ его при гробѣ Св. Вячеслава, Патрона Богеміи, или предъ Чешскою Королевою. А если бы Король вздумалъ защищать убійцу, то все по-

данные имѣли право отказаться отъ повиновенія и даже пѣнъ, который бы рѣшался служить Королю въ такомъ случаѣ, наказывался изгнаніемъ изъ королевства ⁽⁶⁾.

Принявъ за общее правило, что истецъ долженъ назначать плату за убійство, Богемское законодательство не можетъ представить намъ оцѣнки человѣческой жизни по состоянію, полу и возрасту убитаго. Состоянія различаются не количествомъ платы за убійство, а способомъ доказательства. Въ Германскихъ законодательствахъ словія также различаются способомъ доказательства, но различіе это состоитъ только въ числѣ присягавшихъ свидѣтелей ⁽⁷⁾. Въ Богемскомъ правѣ напротивъ того, если противники были равными по состоянію, то дѣло рѣшалось поединкомъ на мечахъ со щитами. Если истецъ былъ ниже отвѣтчика, то дѣло окончательно рѣшается присягою; а если истецъ выше отвѣтчика, то отвѣтчикъ могъ требовать битвы. Мѣщанинъ,

⁽⁶⁾ R. Z. P. 80: 51: 27: 28: 29.

⁽⁷⁾ Если вира 120 sol., то 12 свидѣтелей; при вира отъ 60—120 sol. 6; отъ 30—60 sol. три; при 12 sol. клянется самъ отвѣтчикъ per animā suā. См. Gairr: *Recht und Verfassung der alten Sachsen*, Breslau, 1837.

если звалъ на судъ поселянина за убійство, то они не имѣли права биться, на мечехъ, а бились на кіяхъ съ большими щитами. Также и въ отношеніи къ полу и возрасту убитаго законы не назначаютъ никакой опредѣленной платы, но вездѣ голова оцѣнивается истцемъ и предлагается оцѣнка на разсужденіе Кметовъ.

Слѣдуя такому началу, Богемское законодательство никогда не могло развиваться до того, чтобы раздробить жизнь человѣческую на части и положить за каждую часть жизненной силы опредѣленную плату, тѣмъ менѣе могло оно перенести сравнительную единицу, которою оцѣнивалась жизнь человѣческая, на птицъ и звѣрей ⁽⁸⁾, какъ это сдѣлали Германскія законодательства. Сквозь все уголовное право проведено одно начало, именно, что оцѣнка обиды и нанесеннаго вреда представляется самому истцу, и утверждается судьями. Напрасно Карлъ IV старался отмѣнить право истца назначать плату, если не за убійство, то по

(8) *Jura primæva Baronum, nobil. et c. 1237.* «Si quis equos, equas, boves, vaccas vel aliqua majora subtraxerit, quantitas dampni eximetur sub certa fide vel sacramento eorum, quibus jurisdictio est commissa et secundum hoc accusantes admittantur» 10.

крайней мѣрѣ за тѣлесное поврежденіе ⁽⁹⁾. Въ своемъ уложеніи, извѣстномъ подѣ именемъ *Majestas Carolina*, онъ предписалъ за лишеніе глаза, носа, или ноги брать все имущество преступника въ королевскую казну. Этотъ законъ былъ противенъ началамъ, утвержденнымъ вѣками, и по этому не могъ получить никакой силы.

Только въ такихъ случаяхъ король или судьи назначали взысканіе за преступленіе, когда смерть или поврежденіе, нанесенныя частному лицу, были вмѣстѣ и оскорбленіемъ для цѣлаго государства. Но въ этомъ случаѣ наказаніе имѣетъ уже настоящій уголовный характеръ. Сюда относится случай, если кто совершалъ убійство предъ Королемъ или предъ полнымъ судомъ. Такого преступника тотчасъ казнили смертію, но имѣніе его оставалось неприкосновеннымъ ⁽¹⁰⁾. А если убійца успѣвалъ скрыться ⁽¹¹⁾, то все королевство призы-

⁽⁹⁾ Libi nam sie z stareho ustaweniê zachowati aby žádný Pan wladyka neb giny czlowiek czlowieku ginemu oczy ne wywrhl. Paklibi kto to wsetecnie uczynil w kralowu nemilost upadne. Sbozie y geho nabytky magi sie na krale pripandnuti. Cap. LXXXIV. LXXXV. LXXXVI.

⁽¹⁰⁾ R. Z. P. 41

⁽¹¹⁾ R. Z. P. 4. 7. ma prowolan byti, ze jest stracence proti krali i proti wssecj zemi, a ma k niemu pomsta byti spomoci wsiej obce.

валось къ мести, а имущество отдавалось имѣвшему право мести родственнику, который пользовался имъ, пока не получалъ удовлетворенія. Это же самое правило было распространено и на поврежденія тѣлесныя. Если кто въ присутствіи короля или предъ полнымъ судомъ обнажалъ мечъ или ножъ, то наказывался отсѣченіемъ руки, а за кровавую рѣзю наказывался смертію ⁽¹²⁾. Есть еще одинъ случай, гдѣ плата за голову, не смотря на то, что искъ идетъ гражданскимъ порядкомъ, назначается не истцемъ, а судьей, именно: если лице низшаго состоянія подавало жалобу объ убійствѣ на высшаго, и если предварительно отвѣтчикъ не могъ уговориться съ истцемъ, и дѣло доходило до суда: то отвѣтчикъ платилъ за убійство по оцѣнкѣ судей ⁽¹³⁾. А если являлось разногласіе между судьями, то рѣшалъ король.

⁽¹²⁾ Тамъ же ст. 26. Также Cod. Talem. 31. Primo Zdistai A. III. Anno domini m. ccc. L. X. XVII. Nobiles domini et Barones requi Bohemiæ invenerunt pro jure, quod quicumque in curia Prothonotarii Regni Bohemiæ cultellum suum vel gladium evaginaverit seu extraxerit, quod illi debet manus dextra amputari. Si autem aliquis ad effusionem sanguinis vulneraverit, capite debet plecti seu truncari.

⁽¹³⁾ R. Z. P. «Podle nalezu a ssacowaníe urědnicu w ma tu hlauu složití».

Изложенныя нами начала, въ отношеніи къ назначенію количества платы за убійство, съ нѣкоторыми измѣненіями сохраняло Богемское право во все продолженіе своего существованія до тѣхъ поръ, пока оно не было замѣнено правомъ Нѣмецкимъ. Два уложенія: *Prawa a zrzizeníj zemská království českého 1564* и *Zrzizeníj zemská 1500* года были изданы уже въ такую эпоху, когда королевская власть главнымъ образомъ дѣйствовала на преобразование древнихъ обычаевъ, между тѣмъ какъ прежде власть законодательная принадлежала панамъ, которые старались сохранить древнее право, какъ свою привилегію. Но и въ этихъ памятникахъ стороны могутъ уговориться объ удовлетвореніи за убійство и судъ не мѣшался въ дѣло ⁽¹⁴⁾. Но если истецъ обращался къ суду, то въ такомъ случаѣ плата является уже болѣе опредѣленною и взысканіе за убійство начинаетъ принимать видъ уголовного наказанія. Истецъ не имѣлъ уже права въ жалобѣ означить сумму денегъ, во сколько онъ цѣнитъ убійство, но удовлетвореніе назначали судьи,

(14) *Prawa a zrziz. zemsk. K. C. a. VI.* «nez gestlyžeby se strany o mord smluwilij, pokudžby se pokuty geho milostí královské w zrzizeníj zemském wymerzené ne dolykalo teho geho milost kwalowska przy tom zuostawowati racij».

а иногда самъ король. А если убійца скрывался, то осуждался на смерть и терялъ все имущество, которое дѣлилось на три части: одна часть отдавалась дѣтямъ убитаго, а остальные двѣ оставлялись наслѣдникамъ убійцы ⁽¹⁸⁾. Тому же наказанію подвергался и тотъ, кто держалъ у себя скрывшагося убійцу. Отецъ, сынъ, братъ и дядя имѣли право продержать его у себя только однѣ сутки. Въ законахъ 6-го вѣка начинается также устанавливаться опредѣленное количество платы за голову и обращается вниманіе на состояніе убитаго и убійцы. Если благородный убьетъ чужаго крестьянина, то для этого случая уложеніе 1564 года назначаетъ опредѣленную плату, похожую на Германскую виру, но только несравненно большую: убійца долженъ дать господину убитаго крестьянина 300 копъ грошей Чешскихъ. Если одинъ крестьянинъ убьетъ другаго, то господа, которымъ они принадлежали, рѣшали дѣло по добровольному между собою согласію. Панъ убійцы могъ заплатить сто копъ грошей, и тогда освобождался отъ обязанности предста-

(18) Práva a Zr. Zemská. «Pakby nestál, aby na hrdlo geho y na statet saženo bylo, tak aby dedicum toho zabitoho a nebyloliby dedicuw, tehdy, y Prilteli nel Prytebum naybjž ssím trzetii dii tatl

влять убійцу на судъ. А если убійца уйдетъ, или его господинъ не хочетъ платить пени, то господинъ убитаго можетъ поймать убійцу и лишить его жизни ⁽¹⁶⁾. Замѣтимъ и въ этомъ случаѣ важное отличіе Богемскаго права отъ Германскаго. Мы видимъ, что у Германцевъ при опредѣленіи количества виры только обращалось вниманіе на состояніе убитаго, въ Богемскомъ напротивъ того за лице одного и того же состоянія платится иногда 300 иногда 100 копъ грошей, и слѣдовательно разность зависитъ не отъ состоянія убитаго, но отъ состоянія убійцы. Въ уложеніи 1500 года за вредъ, причиненный насиліемъ (*pych*), кромѣ удовлетворенія за убитаго, полагается денежное взысканіе, за нарушеніе закона (*rokuta*), состоявшее въ платежѣ 50 копъ грошей ⁽¹⁷⁾.

Изложивъ начала, которыя принимало Богемское законодательство за основаніе при назначеніи количества платы за убійство, я перейду къ рѣшенію вопроса: кто имѣлъ право

⁽¹⁶⁾ Prawa a zrz. zemska K. XXXV.

⁽¹⁷⁾ Zr. zem. a ktoby pych udielal, ten sskody bez puhonu pohnany zaplat puwodowi, a pokutu day, ktera na pych ulozena gest od panuw gich milostij na zchwaleniye urzednykow menssich.

по Богемскимъ законамъ мстить и получать плату за голову?

Если мы будемъ слѣдить за развитіемъ права въ Богеміи, то мы найдемъ, что отъ самаго начала, когда еще право было соединено съ религіозными вѣрованіями, и до позднѣйшихъ временъ, право мстить и право получать плату за голову всегда принадлежало ближайшему наслѣднику убитаго, который не обязанъ былъ дѣлиться съ другими отдаленнѣйшими родственниками; какъ это мы находимъ въ Германскихъ законодательствахъ. Только дѣдичь мстилъ или подавалъ искъ объ убійствѣ, а подъ дѣдичемъ разумѣются: сыновья, внуки, правнуки и т. д., не ограничиваясь никакою степенью, также братья, дяди и ихъ дѣти, но только неотдѣленные ⁽¹⁸⁾. Дочь была наслѣдницею (diediezска) только тогда, когда не было у нея братьевъ, или были только отдѣленные. Какъ наслѣдство переходило по степенямъ родства и ближайшій родственникъ, устранялъ дальнѣйшаго: такъ и право мести и плата за убитаго принадлежали, по всей строгости наслѣдственного права, ближайшему наслѣд-

(18) Wiktorin ze Wsschrd. kn. IV III. VI.

нику ⁽¹⁹⁾; а если ихъ было нѣсколько, то дѣлилась на равныя части. Слѣдствіемъ этого было то, что правило Германскаго законодательства «тотъ только получаетъ виру, qui faidam levare potest» ⁽²⁰⁾ у Богемицевъ не могло имѣть мѣста, и по этому женщины и дѣти несовершеннолѣтныя имѣли право на полученіе платы за голову, если они были законные наследники убитаго. Замужняя могла вести искъ объ убійствѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что она не допускалась къ битвѣ, а дѣло рѣшалось присягою. Вдова могла мстить за родственника и за своего мужа, какъ и мужчина, съ тѣмъ только различіемъ, что, когда дѣло доходило до поединка, отвѣтчикъ долженъ былъ стать по поясъ въ выкопанной для этого случая ямѣ и въ такомъ положеніи отражать нападеніе. Дѣвица и несовершеннолѣтный мужескаго пола пользовались всѣми правами совершеннолѣтныхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что, когда дѣло доходило до поединка, истецъ въ судѣ вручалъ оружіе одному изъ своихъ родствен-

⁽¹⁹⁾ Ondrei z Dub: Góhon o hlawni a unos.

⁽²⁰⁾ L. Longobard. VII. XVIII. Si occisus filium masculum non reliquerit, filiae ipsam compositionem non recipiant... quia filiae ejus (sc. occisi), eo quod foemineo sexu esse probantur, non possunt ipsam faidam levare.

никовъ, который и долженъ былъ окончить тяжбу. Примѣненіе законовъ о наслѣдствѣ къ платѣ за убійство продолжается въ Богемскомъ законодательствѣ до позднѣйшихъ временъ. По уложенію 1564 г. правительство отбирало все имущество скрывшагося убійцы. Третья часть этого имущества отдавалась дѣтямъ убитаго, а если не было дѣтей, то, по общему закону о наслѣдствѣ, ближайшимъ родственникамъ убитаго; а прочія двѣ трети оставались наслѣдникамъ убійцы ⁽²¹⁾).

Въ Богемскомъ законодательствѣ, какъ и въ Германскомъ, плата за убійство раба принадлежала господину. Но здѣсь встрѣчаемъ то важное различіе, что въ Богемскомъ законодательствѣ господинъ могъ удержать себѣ только третью часть полученной суммы, а остальное отдавалъ родственникамъ убитаго. Если убитый не оставилъ ни жены, ни дѣтей, то половину всей платы за голову получали ближайшіе родственники, преимущественно тѣ, которые жили на одной землѣ съ убитымъ.

⁽²¹⁾ Pr. a Z. Zem. Pakliby nestál, aby . . . na statek geho sazono bylo, tak aby dedícum toho zabíteho, a nebyloliby dedícum, tehdy y Prytolí neb Pritelum nayblizsim třety dyl statku geho dan byl.

Если господинъ не хотѣлъ дать имъ законной доли, то они дѣлались свободными ⁽²²⁾.

Теперь, по принятому нами порядку, слѣдуетъ рѣшить вопросъ: кто подвергался мести, и кто обязанъ былъ платить за убійство? Но рѣшеніе этого вопроса уже заключается въ изложенномъ нами изслѣдованіи. Въ противоположности съ Германскими законодательствами, одинъ только виновникъ убійства подвергался мести; всѣ другія его родственники оставались неприкосновенными, онъ же одинъ и платилъ за убійство. Замѣтимъ только одно важное обстоятельство. Мы видѣли, что Германскимъ законодательствамъ несвойственно, такъ называемое *fidejussio universalis*, по которому общество обязывалось платить за преступника. Въ Богемскихъ законахъ напротивъ того встрѣчаемъ это установленіе уже въ древнѣйшія времена подъ именемъ: *Ruka spoleczná* или *ruszenj spoleczne*. Жители одного округа или деревни, если не могли представить на судъ преступника, принадлежавшаго къ ихъ обществу, должны были платить за убійство ⁽²³⁾.

⁽²²⁾ Рр. а Zr. Zem. XXXV.

⁽²³⁾ Слѣды этого обычая встрѣчаемъ въ грамотахъ XII и XIII вѣка. Въ грамотѣ Премысла Оттокара 1222, данной духо-

Всѣ изложенныя нами постановленія о платѣ за голову у Богемцевъ относятся къ такъ называемому земскому праву (*Prawo zemske, jus terræ*), которому подлежали всѣ благородные съ ихъ подчиненными. Земское право было привилегією дворянства, ограничивало власть Короля, и по этому Короли Богемскіе, создавъ среднее состояніе городскихъ обывателей или мѣщанъ, ввели въ Богемію и особенное право, совершенно противоположное праву земскому, именно, право Германское, которое съ древнихъ временъ принято было въ Богеміи для мѣщанъ, развивалось отдѣльно, никогда не смѣшиваясь съ постановленіями земскаго права ⁽²⁴⁾, Въ этомъ городскомъ правѣ (*Prawo mestske*) находимъ Германскую виру со всѣми ея характеристическими признаками. Здѣсь также оцѣнена жизнь cadaго состоянія въ цѣлости и по частямъ. Если мѣщанинъ изрубить Владыку, то платитъ 100 копъ грошей, за кровавую рану 50 гр., за синюю 25, также

венству, стоитъ: Quando quis interficiebatur in aliqua villa et interfector non capiebatur quilibet rusticus in CC denariis cendemnari solebat: nunc nos, mitius agentes cum eis, volumus, ut tota villa in CC denariis emdemnaretur.

(24) Полный сводъ постановленій городского права издавъ 1578. подъ названіемъ: *Prawa miejska kralowstwy czeskiego*.

и здѣсь за отнятіе главныхъ членовъ: ноги, руки, глаза платится какъ за полчеловѣка. Работники также различаются по важности ремесла: за убійство ремесленника 10 копъ грошей, а если онъ плотникъ или слуга, то пять копъ ⁽²⁵⁾. Легко понять, что убійца, пользовавшійся городскимъ правомъ, имѣлъ весьма важное преимущество предъ лицомъ, подлежащимъ законамъ права земскаго; потому что первый совершенно былъ свободенъ отъ всякаго наказанія, когда уплачивалъ положенную закономъ виру, между тѣмъ, какъ послѣдній находился во власти истца, который могъ лишить его всего имущества. Это преимущество лицъ, подлежащихъ городскому праву уничтожено въ уложеніи 1564 ⁽²⁶⁾.

Начала, которыя характеризуютъ плату за голову у Богемцевъ, встрѣчаются со всѣми подробностями и въ Моравскомъ законодательствѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь

⁽²⁵⁾ Privilegia a Corolo confirmata 1351. Руконисъ 1471 № 6. въ Чешс. музей. Лист. 258.

⁽²⁶⁾ Pr. a Zrz. Zemská, K. XXXIII. A Bylality kde pól penezita na kterem práve městském nemági ten morc užiti proti panskému a Rytýrskému slawu osobe neb osoba než gestlizeby se wina nassla na temž morderzi a by tu pok trpel, a na hrdlo trestan byl.

древнія обыкновенія живутъ гораздо долѣе. Обрядъ пекоры, встрѣченной нами у Богемцевъ въ древнѣйшія времена, въ Моравіи доживаетъ до 16-го вѣка. Плата за голову сохраняетъ такой же неопредѣленный характеръ, какъ и въ правѣ Богемскомъ, и зависитъ отъ согласія тяжущихся сторонъ; а если стороны сами не могли уговориться, то выбирали судей, и судьи назначали цѣну по мѣрѣ вины. Цтиборъ изъ Товачова замѣчаетъ, что въ его время обычай установилъ minimum платы за голову, и изъ его словъ мы можемъ заключать, что Мороване цѣнили себя гораздо выше, нежели Нѣмцы. Убившій Моравца, долженъ былъ заплатить пятьсотъ гривень ⁽²⁷⁾, грошей добрыхъ Пражскихъ, дать пятьсотъ фунтовъ воску, пятьдесятъ штукъ лучшаго сукна, коня съ хоругвию, заплатить пятидесяти пасторамъ, чтобъ они молились о душѣ убитого, и кромѣ того съ пятьюдесятью родственниками и знакомыми подвергнуться покорѣ ⁽²⁸⁾. Впрочемъ, за-

⁽²⁷⁾ Гривна тоже, что и марка. См. *Sazoris ceskeho muzeum* 1831. 1. 319.

⁽²⁸⁾ Вотъ описаніе Моравской пекоры у Цтибора въ статьѣ: «O okladu hlav zabitych wedle prava zemie». Убийца долженъ съ пятьюдесятью родственниками или знакомыми итти ко гробу убитого босой, безъ пояса, и пасть ницъ на гробъ. А ближайшій родственникъ убитого долженъ

мѣчаетъ Цтиборъ, это не есть законное количество платы за голову; напротивъ того истецъ и судья могутъ назначить большую плату ⁽²⁹⁾.

Изъ предложеннаго мною изслѣдованія я могу извлечь существенныя черты, которыми отличается плата за убійство въ Богемскомъ и Моравскомъ законодательствахъ, отъ Германской виры.

1. Местъ въ Богемскомъ и Моравскомъ законодательствахъ, въ ея первоначальной безпредѣльной формѣ, имѣетъ основаніемъ не удовлетвореніе грубому инстинкту, требующему крови за кровь и не удовлетвореніе за причиненный вредъ, но является религіозною обязанностію, которой выполненіе необходимо для спокойствія души убитаго.

держатъ мечъ надъ шею убійцы остріемъ внизъ, и три раза долженъ спросить убійцу: «такъ ли я теперь властенъ надъ твоею жизнью, какъ ты былъ надъ жизнью моего брата (или другаго родственника), совершая убійство» . . . и убійца три раза говорилъ: «да, но прошу ради Бога оживить меня». Родственникъ убитаго говорилъ: «оживляю тебя» и тогда убійца получалъ прощеніе. *Kniha Towacz. С. III. 5.*

⁽²⁹⁾ *Kniha Towacz. С. III. 12. «a to se wsse polozilo, czoz przinajmenssim byti muzie, ale když se mordowe stanúw, gakoz ubrmáne smluway, tak se okladowe díegý.»*

Местъ замѣнена платою: такъ же, какъ и у Германцевъ; но плата за голову никогда не принадлежала государству ни въ цѣлости, ни по частямъ. Она вся поступаетъ мстителю, какъ гражданское удовлетвореніе за вредъ, и слѣдовательно ни сколько не имѣетъ уголовнаго характера; какъ мы это замѣтили въ Германской вирѣ.

2. Количество платы за голову въ Богемскомъ и Моравскомъ законодательствахъ не было опредѣлено законами въ видѣ таксы, но истецъ каждый разъ назначалъ самъ цѣну головы и вредъ происшедшій отъ убійства. Слѣдовательно

3. Въ Богемскомъ законодательствѣ не было и сравнительной единицы, какъ свободный человѣкъ въ законахъ Германскихъ, не было оцѣнки жизни по частямъ и не было опредѣленной закономъ платы за убійство животныхъ. Въ этомъ пунктѣ является рѣзкая противоположность между Богемскимъ и Германскимъ законодательствами. Германское законодательство, своею мелочною таксою, стремясь уничтожить произволъ судьи при назначеніи наказаній, устанавливаетъ начало абсолютной опредѣленности наказаній, Богемское напротивъ того,

принимая во вниманіе безконечно разнообразную степень виновности, предоставляло истцу и судьямъ опредѣлять количество платы за убійство, и такимъ образомъ принимаетъ въ основаніе уголовныхъ законовъ начало абсолютной неопредѣленности. Исторія Германскаго законодательства представляетъ стремленіе сбросить съ себя излишнюю опредѣленность, и дать болѣе свободы суду, напротивъ того исторія Богемскаго законодательства являетъ стремленіе ограничить произволъ судьи опредѣленностію положеній.

4. Уже въ позднѣйшемъ законодательствѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ законъ опредѣляетъ плату за убійство, но и эта плата тѣмъ существенно отличается отъ Германской виры, что количество ея соразмѣряется не съ состояніемъ убитаго, а съ состояніемъ убійцы.

5. Местъ падала всегда только на одного виновника убійства, ни сколько не касаясь его родственниковъ. Также и плата за убійство никогда не падала на весь родъ убійцы, какъ въ Германскихъ законодательствахъ, но одинъ убійца долженъ былъ уплачивать всю сумму.

6. Въ противоположность Германскимъ за-

конамъ, общество обязывалось платить за убившаго убійцу.

7. Какъ одинъ убійца выдерживалъ мечь, такъ точно и право мстить и получать плату за голову принадлежало одному только ближайшему наслѣднику убитаго. При этомъ правило наслѣдства, что «ближайшій родственникъ устраняетъ дальнѣйшаго» имѣло полную силу.

В. Крѣвина Сербовъ.

Не всѣ Славянскія племена имѣли столько твердости духа, какъ Богемцы и Моравцы, чтобъ мысль о правѣ сохранить народною, безъ примѣси чужеземщины. Но изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ, оставившихъ слѣды своей юридической жизни въ исторіи всемірнаго законодательства, нѣтъ ни одного, которому бы внѣшнія и внутреннія обстоятельства такъ мало благопріятствовали къ развитію изъ своей внутренней природы идеи права, какъ народъ Сербскій. Раздробленный на части, управляемый юниками, которые придавали себѣ названія Царьковъ, Королей, Воеводъ и только жили въ разгульѣ битвъ, онъ никогда не могъ сосредоточить своихъ мыслей на предметахъ законодательства. Только одинъ моментъ мы

встрѣчаемъ въ исторіи Сербовъ, когда законодательство является предметомъ вниманія цѣлаго Сербскаго народа, именно во время правленія Царя Душана; когда издано было уложеніе, составленное въ общемъ собраніи всѣхъ сословій 1349 Мая 21 ⁽¹⁾. Но въ этомъ правѣ Славянизмъ чуть видѣнъ въ огромной массѣ постановленій, заимствованныхъ изъ права Византійскаго. Сербскіе Архижупаны и Князья часто смотрѣли на Византійскаго Императора, какъ на своего верховнаго начальника и старались подражать ему въ образѣ жизни ⁽²⁾. Но особенно Греческое духовенство имѣло весьма важное вліяніе на умы Сербскихъ правителей, такъ что при составленіи Законника главными дѣйствующими лицами являются духовные ⁽³⁾. По этому не трудно понять,

(1) Этотъ памятникъ изданъ подъ названіемъ: Законникъ Сербскій Царя Стефана Душана Сильнаго, 1349 и 1354 г.

(2) Кантакузенъ называетъ „Сербскихъ правителей, за ихъ подражаніе Императорамъ Греческимъ, обезьянами: *Simiae simiarum, formicae formicarum more res suas administrant.* Cantacusenus. Т. 1. подъ годомъ 1326.

(3) Въ предисловіи къ Законнику стоитъ: «Въ лѣто 6857 индикціонъ 2. въ праздникъ възнесенія Господня мѣсеца Маиа 21 день сынъ законникъ поставліаеми отъ православнаго събора нашего, съ прѣосвѣщеннымъ Патріархомъ Киръ Іоаникіемъ, и высшіе Архіереи и Прѣковныки малыми и великими, и много благоутробнымъ Царемъ Стефаномъ и всеми властители, малыми же и великими».

что Славянское право, вступивъ въ борьбу съ Византійскимъ, должно было покориться началамъ, за которыя поборала религія въ лицѣ духовенства. Впрочемъ Законникъ никогда не могъ получить силы общаго для всей Сербіи закона, потому что каждый правитель области былъ почти самостоятельнымъ властелиномъ, и давалъ судъ и расправу по древнимъ обычаямъ ⁽⁴⁾. По этому въ законахъ Царя Душана мы можемъ найти мало матеріаловъ для нашего изслѣдованія. Гораздо болѣе могли бы помочь намъ Сербскія пѣсни, въ которыхъ живыми, иногда восточными красками изображается политическій и семейный бытъ Сербовъ. Это тоже самое, что сѣверныя саги для объясненія жизни древнихъ Германцевъ. Но Сербскихъ пѣсень издана только весьма малая часть ⁽⁵⁾ и изъ нихъ только двумя мы можемъ воспользоваться для объясненія нашего предмета, именно въ томъ III. пѣснями 17 и 19.

(4) Когда Король, побуждаемый Греками хотѣлъ воевать съ Турками, то вельможи отказывались идти съ нимъ: *Si monitis his nostris obsecundarit, recte faciet; sin minus, eat bellum vobis assumtis tolleret: de nobis quidem nullus eum sequetur. Cantacuzenus подъ годомъ 1328.*

(5) Сербскія пѣсни изданы Вукомъ Караджисомъ подъ заглавіемъ: «Народне Србске пѣсне скупно и на свѣтъ издао Вукъ Ст. Караджичъ. У Липицы 1823.»

И у Сербовъ, такъ же какъ у Богемцевъ и Моравцевъ, месть является религіозною обязанностію, исполненіе которой необходимо для души убилаго. Даже вмѣсто: отмстить за убилаго, Сербы говорили: «Осветити душу убилаго». Вотъ доказательство. — Османъ убилъ Перовича Батрича. Принесла молва горькую вѣсть къ отцу Перовича Батрича, Закуковала сизая кукушка среди зѣмы, когда ей куковать невремя. То не была сизая кукушка, а то былъ Вучитевичъ Перо, отецъ убилаго Батрича.

«Авај мене! до Бога милога!
Тѣми Батричъ брата не остави,
Који би га могò осветити».

Утѣшаетъ его Перовичъ Радулъ: «Не тужи отецъ! жди до Юрьева дня, когда гора одѣнется листьемъ, черная земля травой и цвѣтами. Соберу я шайку молодецкую и отомщу за брата Батрича».

Скоро насталъ Юрьевъ день, и уже Радулъ несетъ къ отцу отрѣзанную голову убійцы. «Благо мене. јутрось и до вјека!» говоритъ обрадованный отецъ, кадъ я видже за живота свога, тѣ освети моего Батрича» (°).

(°) Србске пјеске III. стр. 215. Сравни также пѣснь 21. гдѣ итѣмъ сломъ является «Цошъ Црногорацъ».

Есть также и слѣды того постановленія, что убійца могъ откупиться деньгами отъ мстителей и что назначеніе количества платы за голову постановлялось уговоромъ между родственникомъ убитаго и убійцею, какъ и въ Богемскомъ правѣ.

Пишетъ письмо Бегъ Любовичъ и посылаетъ его на колѣно Павлянину Баю: «Чуешь море, Павлянине Баю! Ты укусилъ меня за сердце, ты убилъ моего брата, такъ выходижь на мейданъ юнацкій. Если же ты не поспѣешь выйти, то я пришлю тебѣ пряслицо и веретено, чтобы ты спрялъ мнѣ нитокъ на рубашку».

Байо Павлянинъ начинаетъ переговоры и предлагаетъ мстителю сто дукатовъ; но Любовичъ не хочетъ и тысячи дукатовъ. «Я не хочу, говоритъ онъ, мириться съ тобою, пока ты не прійдешь на бѣлый дворъ мой, не подѣлуешь моего гончаго пса между очами, моего коня въ копыто, меня въ лице и въ руку и черной земли предо мною». Закипѣлъ гнѣвомъ Павлянинъ Байо и началъ готовиться къ битвѣ (7).

(7) Сербскіе піеске III. 17.

Изъ этого видно, что въ обычаяхъ Сербовъ, изображенныхъ въ пѣсняхъ, мы встрѣчаемъ Славянизмъ. Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ является онъ въ Законникѣ Душановомъ.

Въ законахъ Царя Душана большая часть преступленій наказывается смертію, или отнятіемъ члена, посредствомъ котораго было совершено преступленіе. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначается денежная плата за убійство и раны. Но слѣдующія черты служатъ печатью Славянизма въ Сербской платѣ за голову:

1. Количество платы за голову зависитъ не исключительно отъ состоянія убитаго, но главнымъ образомъ отъ состоянія убійцы. Такъ если дворянинъ убьетъ поселянина, то долженъ платить тысячу перперъ; а если поселянинъ дворянина, то платитъ триста перперъ; но къ этому присоединяется Византійское наказаніе—отсѣченіе обѣихъ рукъ ⁽⁸⁾. Особенно это видно при платѣ за безчестье: за обезпеченіе простаго дворянина, князя или боярина и также за обезчещеніе поселянина, платится

(8) Сравни Законникъ ст. 93. 87. 88.

сто перперъ. Но при этомъ берется во вниманіе, кто обезчеститъ: если простой дворянинъ обезчеститъ боярина или князя, то, кромѣ денежнаго взысканія, опредѣляется тѣлесное наказаніе; а если Сербъ обезчеститъ боярина, то прибавляется изувѣченіе ⁽⁹⁾.

Замѣтимъ однакожъ, что опредѣленная плата за убійство назначена только для такого случая, когда искъ объ убійствѣ идетъ между дворяниномъ и поселяниномъ. За убійство лица духовнаго званія полагается смертная казнь ⁽¹⁰⁾, а за убійство благороднаго, совершенное благороднымъ же, нигдѣ не упоминается никакого наказанія, и изъ этого можно заключить, что дѣло предоставлялось добровольному согласію обѣихъ сторонъ.

2. Во всѣхъ статьяхъ Законника, гдѣ только говорится о наказаніи за убійство, нигдѣ нѣтъ намека, чтобы месть падала на родствен-

⁽⁹⁾ Законникъ см. 50. 51. «Властелинъ, кон опсоуе и о срамоти властелина, да плати 100 перперъ; а властеличикъ ако опсоуе властелина, сиречь Кнеза или Боліеріна, да плати 100 перперъ и да се бію стопнего. И ако обсоуе себръ властелина, да плати 100 перперъ и да се осмудитъ. А коли властелинъ или властеличичъ опсоуе себра, да плати 100 перперъ». Ср. стр. 86.

⁽¹⁰⁾ Законникъ см. 95 и 96.

никовъ убитаго; напротивъ того одинъ преступникъ подвергался мести и платилъ кровавину, а получалъ одинъ только ближайшій родственникъ убитаго.

3. Замѣтимъ еще, что въ Сербскихъ законахъ встрѣчается во всей обширности то установленіе, которое мы встрѣтили у Чеховъ подъ названіемъ: *Ruka spoleczna* или *Ruczenj spoleczne*.

Если кто сожжеть домъ, то селеніе, гдѣ живетъ зажигатель, должно выдать преступника и заплатить вредъ; за воровство также уплачивалъ цѣлый округъ (*okolina*). Безъ сомнѣнія это же правило было распространено и на тотъ случай, когда будетъ найдено въ селѣ тѣло убитаго, и не отыщется преступникъ. Вукъ Кораджичъ рассказываетъ, что этотъ обычай и доселѣ сохраняетъ въ Сербіи полную силу⁽¹²⁾.

С. Glowaczynski въ Польскомъ и Литовскомъ русскомъ правѣ, Варшва, 1878 г. Польское законодательство представляетъ смѣсь народныхъ Славянскихъ обычаевъ съ

(11) Законникъ ст. 94. 98. 99. 125. 180.

(12) См. Вукъ Стефановичъ Сербски Сръбникъ у Бену 1878, pag. 338.

Нѣмецкими. Въ древнія времена Короли, имѣя неограниченную власть, заводили Нѣмецкія колоніи, предоставляя имъ управляться по ихъ законамъ, предоставляя также и своимъ подданнымъ право пользоваться Нѣмецкими законами, какъ особенною привилегіею. Говоря о городскомъ правѣ Богемцевъ, я замѣтилъ, что Нѣмецкое право, въ сравненіи съ природнымъ Богемскимъ, предоставляло преступнику важныя выгоды. Тоже самое мы находимъ и здѣсь. Право Польское было строже Нѣмецкаго, и потому часто преступникъ уходилъ въ города, гдѣ производилась расправа по Нѣмецкимъ законамъ, чтобы тамъ подвергнуться наказанію. Вотъ что говоритъ объ этомъ статутъ Казимира III, 1347. «*jure Teutonico volunt se tueri, ut facilius commissi criminis eludant actionem*» «*In villis Teutonicis permanere consueverunt, ut actionem, contra illos propositam, eludant, per juris Teutonici defensionem*». (LXIX. LXX.) Особенно, начиная съ половины XIII вѣка, Нѣмецкое право распространилось въ Польшѣ, такъ что при Болеславѣ Лысомъ оно начало брать перевѣсъ надъ правомъ Польскимъ. Но и въ этой смѣси мы можемъ отличить чисто Славянскія начала, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли еще полную силу въ дошедшихъ къ намъ памятникахъ Польскаго законодательства, а о

и въ которыхъ упоминается, какъ объ отмѣнен-
ныхъ.

Изъ всѣхъ формъ, въ коихъ является намъ
Польское право въ древнихъ памятникахъ,
форма права Мазовецкаго есть самая замѣча-
тельная по своей древности и по удивитель-
ному сходству съ правами Богемскимъ и Морав-
скимъ ⁽¹⁾. И здѣсь также мѣсть является рели-
гиозною обязанностью необходимою для спокой-
ствія души убитаго. Также и символическая
смерть, которая знакома намъ подъ названіемъ
покоры, встрѣчается въ правѣ Мазовецкомъ
со всѣми ея формальностями. Статутъ, данный
въ Закрочинѣ 1390 года, говоритъ: «*gdi włodi-
ka zabye slyachyszczaz, pokoran ma uczynysz
chusti alysz do passa upuszczyw anagosyan*

(1) Это сходство обнаруживается въ самыхъ частныхъ формаль-
ностяхъ судопроизводства, какихъ не встрѣчаемъ ни въ од-
номъ изъ Германскихъ, ни Славянскихъ законодательствъ.
Присяга у Богемцевъ была *dnokale se zmatkem* у без-
зmatka. Для того, чтобъ суд. получилъ силу доказательства,
присягавшій, долженъ былъ произнести надиктованную ему
напередъ форму присяги, не смѣшавшись ни въ одной буквѣ.
Если онъ ошибался въ одной буквѣ, или дѣлалъ движеніе,
противное предписанному въ законахъ формальностямъ, то
объявлялся виновнымъ. Это самое мы находимъ и въ правѣ
Мазовецкомъ подъ именемъ: *polyszek*. Statuta Mazoviæ 1406.
1410. 1453.

uczynyw z nagym mieczem samotrzecz naczeye, a ma prosycz przebog abí genu obrazenye odpuszczono, atakye obrazenye odpuszczono yemu ma bycz». (Lelewel pomniki języka y uchwał Polskich y Mazowieckich 1824). Въ памятникахъ XIV вѣка власть родственниковъ убитаго надъ убійцею остается неограниченною никакою опредѣленною платою. Имѣвшій право мести могъ простить убійцу и оставить его ненаказаннымъ ⁽²⁾; но онъ могъ его также и убить безъ суда. Эта власть мстителя надъ убійцею уже въ XV вѣкѣ, именно въ статутѣ Болеслава 1454 году, является ограниченою. Родственникъ убитаго, не прибѣгая къ самоуправству, долженъ подать искъ объ убійствѣ, иначе подвергается наказанію ⁽³⁾. Но и самый искъ ограниченъ давностію. Если кто не подавалъ

(2) Statuta in Zakroczyn 1390: «Ille, cui molestia est illata, si ipsum homicidam voluerit mittere cum suo collo gratis, aut cum manu, hoc licite et libere facere potest».

(3) Statuta per ducem Boleslavum 1453. «Is, cui frater et consanguineus fuerit occisus, debet, si vult, ipsum homicidam circa sepulturam occisi vel in iudicio inculpate et proclamare. Si vero præfatis modis et ordine inculpationis omissis, super domus illius homicidæ transiret aut equitaret, ratione vindictæ faciendæ, extunc sive ibi atiquem percusserit, occiderit aut vulneraverit, sive non, poenam... incidet et prolabetur ipso facto».

иска объ убійствѣ въ продолженіи 20 лѣтъ, то убійца не подлежалъ болѣе мести ⁽¹⁾.

Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ Мазовецкаго законодательства количество платы является опредѣленнымъ сообразно съ состояніемъ убиитаго; но здѣсь такъ же какъ въ Сербскомъ и позднѣйшемъ Богемскомъ, при опредѣленіи количества платы за голову, обращается вниманіе на состояніе убійцы. Такъ, если шляхтичъ убьетъ шляхтича, то платитъ 2900 грошей ⁽²⁾. А если мѣщанинъ убьетъ шляхтича, то платитъ 60 марокъ родственникамъ убиитаго, а 60 Королю. Но родственники убиитаго могли отказаться отъ платы и убить преступника ⁽³⁾. Если поселянинъ убьетъ поселянина, то убійца платитъ 240 грошей дѣтямъ убиитаго и столькоже его господину ⁽⁴⁾; а если шляхтичъ убьетъ крестянина, то платитъ вдвое какъ дѣтямъ убиитаго, такъ и его госпо-

⁽¹⁾ Statuta in Warszowa 1421. «Extunc reus a solutione capitis et a vindicta sanguinis, vulgariter wroźba absolvatur.

⁽²⁾ Stat. in Zakroczyn. 1390. Si nobilis interfectus fuerit per nobilem... pro capite quinquaginta sexagenas grossorum minus duabus sexagenis pueris interfecti, aut ipsius propinquioribus solvere tenebitur.

⁽³⁾ Statuta Boleslai 1453.

⁽⁴⁾ Statuta Mazoviae 1412.

дину ⁽⁸⁾. При постановленіи такого закона главная цѣль была та, чтобы плата за голову была столькоже чувствительна для бѣднаго убійцы, какъ и для богатаго.

Для вознагражденія за тѣлесныя поврежденія принята система Германской виры: за отнятіе одного изъ главныхъ членовъ платится полувиріе ⁽⁹⁾; каждый палецъ, выбитый зубъ, рана, простой ударъ имѣють особенную цѣну. Впрочемъ оцѣнка членовъ, по системѣ Германской виры, имѣла силу только въ такихъ случаяхъ, гдѣ истецъ и отвѣтчикъ принадлежали къ одному званію. А если они были разныхъ званій, то начала виры подчинялись Славянскому началу, по которому при оцѣнкѣ поврежденія должно обращать вниманіе главнымъ образомъ не на состояніе оскорбленнаго, а на состояніе оскорбителя. Такъ по общему закону за удары (*proeius percussioneis alias bythe*) платилось три марки; но если поселянинъ билъ шляхтича, то обиженный имѣлъ право отрубить руку своему оскорбителю ⁽¹⁰⁾. Рана оцѣ-

⁽⁸⁾ Statuta Mazowiae 1390.

⁽⁹⁾ Manus nobilis valet medietatem capitis, idem lingua, oculus et alia membra principalia. Тамъ же.

⁽¹⁰⁾ Statuta Boleslavi 1453.

цена въ 3 марки, но если мѣщанинъ ранить шляхтича, то платитъ 240 грошей за выкупъ руки (*pro manus redemptione*) ⁽¹¹⁾; а если оскорбленный не хотѣлъ брать платы, то могъ отнять руку своему оскорбителю.

При назначеніи лицъ, на которыхъ должна падать месть и которыя должны были платить за голову убиитаго, право Мазовецкое сохраняло постоянно характеръ Славянскихъ законодательствъ. Въ статутѣ Казимира III выставлено слѣдующее начало: *Filius non portabit iniquitatem patris nec e converso. Ideo statuimus, quod pater pro nequam filio et e converso minime coerceatur et puniatur et idem de fratribus Germanis vel quibuscunque consanguineis declaramus fore servandum* ⁽¹²⁾. При такомъ законѣ никогда въ Польскомъ законодательствѣ не могло существовать то Германское постановленіе, по которому родственники убійцы должны были участвовать въ платѣ за убійство. Въ правѣ Мазовецкомъ вся месть падаетъ на одного убійцу. Если убійца не имѣлъ имущества для того, чтобы внести полную плату за голову, то истецъ имѣлъ право лишить убійцу жизни; однакожъ

⁽¹¹⁾ Тамъ же.

⁽¹²⁾ *Statuta Kazimiri III. CLV.*

родственникамъ и друзьямъ предоставляется право внести за убійцу узаконенную плату ⁽¹³⁾. Господинъ никогда не платилъ, если его крестьянинъ совершалъ убійство, и даже самъ еще получалъ отъ убійцы опредѣленную часть, чего мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ законодательствѣ ⁽¹⁴⁾.

Также получаютъ плату за голову не всѣ родственники убиитаго, а только ближайшіе наследники убиитаго. Слѣдовательно и здѣсь, какъ въ Богемскомъ, Моравскомъ и Сербскомъ законодательствахъ, плата за голову слѣдуетъ законамъ о наследствѣ, по которымъ ближайшій родственникъ устраняетъ отдаленнѣйшаго. Такимъ образомъ первое право требовать головы принадлежитъ дѣтямъ, потомъ родителямъ, потомъ братьямъ, а наконецъ отдаленнѣйшимъ родственникамъ, которые называются:

⁽¹³⁾ Statuta in Zakroczyn 1390. «Si vero nihil habuerit sic quod non habet, quo solvat, extunc collo proprio persolvat. Si vero amici ejus molestarentur et dolerent pro collo ipsius interfectoris, extunc illi amici possunt, ut volunt, parti laesae, vel cui modestia facta est persolvere, vel etiam ille, cui molestia illata est, si vult, potest eum dimittere».

⁽¹⁴⁾ Statuta Masoviae 1412. «Ipse interfector octo-sexagenos grossorum pro interfecto det et solvat: pueris 4, domino cujus Kmetho interfectus 4 et domino, cujus fuerit interfector, unam sexagenam».

amici, cognati, propinqui. Но во всякомъ случаѣ можетъ подавать искъ о платѣ за убійство только непосредственный наслѣдникъ убитого (*successores occisi*) (¹⁵).

Какъ въ правѣ Мазовецкомъ, такъ и въ законодательствѣ великой Польши, находимъ смѣсь Славянскихъ обычаевъ съ Германскими. Древнѣйшій изъ доселѣ изданныхъ законодательныхъ памятниковъ Польскихъ есть привилегія данная Евреямъ въ 1264 году. Здѣсь мы находимъ мѣсть еще въ томъ періодѣ, когда она является неограниченною, когда родственникъ убитого имѣетъ право жизни и смерти надъ убійцею (¹⁶). Если убійца уйдетъ, то родственники убитого получаютъ не виру, опредѣленную закономъ по состоянію убитого, но половину всего движимаго и недвижимаго имущества убійцы (¹⁷). Вообще можно замѣ-

(¹⁵) Statuta Boleslai 1453. Statuta 1538.

(¹⁶) Si Christianus Judæum occiderit, digno judicio puniatur... proximior Judæus ipsum Christianum mortificare debet taxando pro capite caput. Priv. Judæ. XIV.

(¹⁷) Si vero talis Christianus an fugerit, extunc ipsius bona tum mobilia quam immobilia, quæcunque habuerit, medietas per proximiores consanguineos Judæi interemti, reliqua vero medietas pro camera nostra regia debet pertinere. Privil. Jud. XIV.

тять, что въ древнихъ памятникахъ Польскаго законодательства нигдѣ не находимъ ничего похожаго на Германскую виру; но прежде всего убійца могъ рѣшить дѣло добровольнымъ соглашеніемъ съ родственниками убитаго ⁽¹⁸⁾. Но подлѣ этихъ, чисто-Славянскихъ началъ начинается быстро развиваться система Германской виры, съ своею точною оцѣнкою жизни и тѣлесныхъ поврежденій. Уже въ статутѣ Вислицкомъ цѣна точно опредѣлена за убійство лицъ разныхъ состояній: за убійство шляхтича 60 марокъ, за воина 30, за земледѣльца 10. За отнятіе главныхъ членовъ платится половина по законамъ Германскимъ. Подробно опредѣляется также плата за раны и побои. Даже Польское законодательство, при назначеніи платы за убійство, ни сколько не обращаетъ вниманія на состояніе убійцы, какъ это мы видѣли въ другихъ Славянскихъ законодательствахъ, но беретъ Германскую виру цѣликомъ безъ всякаго измѣненія, и по этому количество

(18) Statuta Kazim. IV. Opalovicensia de an. 1574 XVII. «Item quando unus conqueritur super alium: quod tu occidisti mihi fratrem et hoc cupiens in eo per juramentum solutionem capitis obtinere et ipse respondit: quod tu caput fratris tui in alio per modum concordie repetisti, solutum, quod sum probare paratus, visum fuit nobis et Baronibus nostris, quod id probari sit admittendus».

платы назначается сообразно съ состояніемъ убиитаго.

Только въ постановленіи о лицахъ, имѣющихъ право мести и обязанныхъ платить за убійство, проглядываетъ Славянизмъ. Право мести принадлежитъ только ближайшему родственнику и не идетъ въ родъ ⁽¹⁹⁾. Если крестьянинъ убьетъ крестьянина, то родственники получаютъ только часть всей платы, именно 6 марокъ, а остальные четыре марки принадлежатъ Кастеляну, подъ вѣдомствомъ котораго находился убитый ⁽²⁰⁾. Родители убиитаго имѣли ближайшее право требовать плату за убійство, потомъ дѣти; а если не было ни родителей, ни дѣтей, то право получить плату за голову переходило къ дальнѣйшимъ родственникамъ (*parentes, pueri et amici Stat.-Casimir III. LX*). Равно и уплачивалъ всю сумму, назначенную за убійство, одинъ убійца собственнымъ своимъ имуществомъ въ силу общаго правила: «*Filius non portabit iniquitatem patris sui, nec e converso*».

⁽¹⁹⁾ Stat. 1418. VIII. Quando nobilis interficitur, e quocunque sexaginta marcarum pueris, aut proximioribus in limen propinquitatis, solvi debent, quaelibet marca in duabus septimanis,

⁽²⁰⁾ Stat. Вцелнц. LVII.

Также и Польскому законодательству извѣстна была обязанность волости или округа платить за убитаго, если нельзя было отыскать убійцы; но это установленіе, которое такъ долго сохранялось у Сербовъ, въ Польшѣ встрѣчается только въ древнѣйшія времена. Въ грамотѣ 1253 стоитъ: «*Quodsi solutio capitis super viciniam ceciderit, homines episcopis vel Glagoviensis Ecclesiae, qui sui sunt, de illa vicinia, solvant dominis suis portionem, quae ipsos contingit etc.*»⁽²¹⁾. Это ручательство всѣхъ членовъ волости за каждаго члена иногда было слишкомъ тяжелымъ, особенно въ смутныя времена, когда законъ не могъ обуздать своевольтва и когда убійца, при неустройствѣ внутренней полиціи, легко могъ скрыться отъ своихъ преслѣдователей. По этому Короли, въ знакъ особенной милости, давали нѣкоторымъ округамъ привилегіи, по которымъ жители упомянутыхъ округовъ, освобождались отъ платежа головщины, если въ ихъ придѣлахъ совершено было убійство и нельзя было отыскать преступника. Такая привилегія дана была Болеславомъ 1278 года всѣмъ селеніямъ, принадлежавшимъ Люблинскому монастырю. Въ этой привилегіи говорится: «*Si autem homo occisus...inter homines bonorum do-*

(21) Tschoppe u. Stenzel Urkundensammlung 1832. p. 332,

mus dicte (Claustri Lubinensis) inventus fuerit...villas sæpedictas et incolas ipsorum a pæna hujusmodi homicidii, siue ducatus nostri, cujuscunque honorati, et præcipue castellani et ab urna mellis capitalis... absolvimus ⁽²²⁾».

Право Литовское, какое мы находимъ въ Литовскомъ статутѣ, мало заключаетъ въ себѣ чисто-Славянскихъ началъ. Въ Литвѣ такъ же какъ и въ Польшѣ Германское право раздаваемо было въ видѣ привилегіи городамъ и селеніямъ. Двѣ, совершенно противоположныя по своимъ началамъ системы права, не могли существовать въ одномъ государствѣ, какъ въ организмѣ, который можетъ держаться только единствомъ закона.— Литовское право покорилось Германскому, къ чему способствовало также Польское, имѣвшее рѣшительное вліяніе на образованіе позднѣйшаго Литовскаго законодательства. О Литовскомъ правѣ, какъ оно было до смѣшенія съ Германскимъ и Польскимъ, мы говорить не можемъ по недостатку памятниковъ. Можно предполагать, что и Русь Литовская имѣла въ древнія времена свое право, основанное на началахъ, замѣченныхъ нами у

(22) Выписка изъ современной рукописи, принадлежащей извѣстному Польскому Юристу Ромуальду Губе.

древнихъ Славянскихъ народовъ. Для подтвержденія этого мнѣнія, я могу сослаться только на одну рукопись въ Литовской метрицѣ, подъ названіемъ: *acta ducatus Situaniae № 3*, въ которой содержатся *уфалы сейма Берестейскаго 1513* года. Одна изъ уфалъ измѣняетъ систему прежней головщиzny и вводитъ новыя начала. Изъ этого постановленія видно, что въ древнемъ Литовскомъ правѣ, какъ въ Богемскомъ, Моравскомъ и Мазовецкомъ, убійца долженъ былъ, не прибѣгая къ суду, уговориться съ родственниками убитаго, которые имѣли право назначать количество платы за голову. Но если дѣло переходило въ судъ, то истецъ платилъ головщиynu по древнему обычаю. Уфала 1513 года отмѣняетъ это неограниченное право истца надъ убійцею и даетъ родственникамъ убитаго только право взять головщиynu, а преступникъ подвергается тюремному заключенію на годъ и долженъ заплатить 12 рублей пени. Только въ одномъ случаѣ допускается древняя мѣсть, именно, когда убійца будетъ застигнутъ на горячѣй крови: то за головщиynu и за вину долженъ быть каранъ по праву Божьему—смертью «нехай идетъ голова за голову.» Слѣды Славянства находимъ также въ рукописи in Fio-1513. Судн. дѣла № 1 въ Литовской метрицѣ. Здѣсь за убійство, совершенное подданнымъ одного

пана надъ подданнымъ другаго, убійца не платитъ виры, топредѣленной закономъ, но отдается во власть истца, не въ замѣнъ за убиитаго, какъ это мы видѣли въ Германскихъ законодательствахъ, а на жизнь и на смерть ⁽²³⁾.—

—(23) Считаю не лишнимъ привести этотъ документъ въ подлинникѣ.

Sprawa Maczka Jedkowicza z Pranką Mutrymową o zabicie poddanego iego od jej poddanych.

Мордасъ Мийшовицъ, Степанъ Кончій, Стецко Саковичъ смотрѣли есмы того дѣла, Жаловалъ намъ Бояринъ Господарскій Мацко Оедкевичъ на Боярину Господарскую на Сопранку Ментримовую, рекучи тымъ обычаемъ: паробокъ ея милости Мартинецъ съ товарищи своими, перенемши на добровольной дорозе человека моего забили до смерти, и мы спытали Мартина, што къ тому за отпоръ маешь, и онъ рекъ: не мое дѣло панове, не забывалъ есми человека его и Мацко вказалъ намъ списокъ соковый и торпостал; мно въ соковомъ листѣ стоитъ тымъ обычаемъ: я сокъ Милушисъ, Богдановъ человекъ сочу Мацку Оедковичу о человека его, о Юдя и сочю на Опранина человека, на Мартинца приходило ми ся видети, штожъ тотъ Юдисъ шолъ сторгу и тотъ Мартинецъ самъ третей съ товарищи своими, то онъ вѣдаетъ съ кимъ, догонили на дорозе подлѣ гаю сосноваго Ондрева на ростанехъ. Въ Мартинца былъ пѣтъ, а въ его товарищовъ было по мечу, а подъ Мартинцемъ былъ конь пѣтъ, а подъ другимъ былъ воронъ, а подъ третьимъ рыжъ, и забивши того человека и поѣхали чрезъ гаевище Ондрево. А Торполай Юхно Симоновичъ, пана Ообраховъ человекъ и Мартинецъ рекъ: не знаюся тому и мы казали его дати мучити и онъ не мученъ, ко всимъ тымъ словомъ признался и товарищовъ своихъ сповѣдалъ на имя Рекутя и Ловча и мы подлугъ его выривавши выдали есмы Мартинца

Слѣды безпредѣльной власти родственниковъ убитаго надъ убійцею встрѣчаются еще въ статутѣ Литовскомъ; только въ первой редакціи 1529 года.

Въ статутѣ Литовскомъ плата за голову рассчитана по всѣмъ правиламъ Германской виры. При назначеніи количества платы не обращается никакого вниманія на состояніе убійцы, но все зависитъ отъ состоянія убитаго, его пола и возраста. Самая высшая цѣна назначается за голову шляхтича 100 копъ грошей. Потомъ слѣдуетъ рядъ лицъ, имѣющихъ плату отъ 60 и до 20 копъ грошей. Служилые люди получаютъ плату, присвоенную ихъ должностямъ. Женщинамъ платится вдвое. Плата за голову, по всѣмъ правиламъ Германскихъ законодательствъ, примѣнена также къ тѣлеснымъ поврежденіямъ, къ отнятію членовъ, къ ранамъ разнаго рода и къ простымъ ударамъ, гдѣ также обращается вниманіе на орудіе, которымъ нанесенъ ударъ. (24)

ишю жена и дѣти его волны, а тыхъ двухъ злодеевъ Рекутя, а Ловча казали есмо Стасю поставити за чѣтыре недели, а если не поставитъ Стасъ на рокъ тыхъ злодеевъ, тогда онъ самъ маєтъ платити съ тыхъ домовъ злодѣйскихъ двѣ части. Псаль у Вильни Мал 25 день индиктъ 13.

(24) Статут. Лит. Раздѣлъ XI и XII

Въ Литовскомъ статутѣ находимъ весьма подробныя постановленія о томъ, кто имѣлъ право получать плату за голову, и какъ дѣлилась эта плата между родственниками различныхъ степеней. Если будетъ нѣсколько братьевъ, и будетъ убитъ кто нибудь изъ нихъ, или ихъ отецъ, или будетъ убита ихъ мать, или сестра незамужняя, или сестра вдова безпотомная, то всѣ братья вмѣстѣ ведутъ искъ о головщизнѣ и дѣлятъ ее на равныя части. Отецъ получаетъ плату за убійство сына безпотомнаго, дочери незамужней и дочери вдовы безпотомной. Если нѣтъ отца, то мать съ сыновьями и дочками дѣлятъ головщизну на равныя части; а если дѣти несовершеннолѣтны, то мать одна подаетъ искъ и получаетъ плату за убійство ⁽²⁸⁾. Если будетъ нѣсколько родныхъ братьевъ и сестеръ замужнихъ и незамужнихъ, то за убійство отца, матери и сестры мстятъ братья и берутъ себѣ плату за убійство, но только въ такомъ случаѣ, когда убитая сестра не оставила послѣ себя потомства. Сестры ведутъ искъ и получаютъ головщизну тогда только, когда нѣтъ братьевъ. За малолѣтнихъ дѣтей убитаго ведутъ искъ его родные братья, сестры и опекуны, которые от-

(28) Статут. Лит. Раздѣлъ XI. 44—

даютъ плату за убійство дѣтямъ убитаго по достиженіи совершеннолѣтія. А если послѣ убитаго не осталось дѣтей ни мужескаго, ни женскаго пола, то дальнѣйшіе родственники имѣютъ право подавать искъ, сначала родственники по отцу, а если ихъ нѣтъ, то по матери ⁽²⁶⁾. За убійство шляхтянки замужней, не оставившей дѣтей, мститъ мужъ и берётъ себѣ плату за голову. А если мужъ отказывается отъ мести, то это право переходитъ къ родителямъ, братьямъ, сестрамъ убитой и такъ далѣе. Если въ продолженіе иска убійца умретъ, то съ его смертію не исчезаетъ право истца требовать плату за убійство; родственники убійцы уплачиваютъ изъ его имѣнія ⁽²⁷⁾. Если послѣ убитаго не осталось никакихъ родственниковъ, то головщина остается три года въ судѣ, и если въ продолженіи этого времени никто не явится съ правомъ получить деньги, взятые за убійство: то половина всей суммы поступаетъ въ казну, а половина идетъ на госпиталь ⁽²⁸⁾.

Платить головщизну одинъ убійца своимъ имѣніемъ, безъ всякаго участія со стороны родственниковъ.

⁽²⁶⁾ Статутъ Литов. XI. 45.

⁽²⁷⁾ Статут. Лит. Разд. XI. 48.

⁽²⁸⁾ Статут. Лит. Разд. XI. 26.

Слѣдовательно и въ правѣ Польскомъ и Литовскомъ мы находимъ тѣже черты платы за убійство, какія характеризуютъ плату за голову въ Богемскомъ, Моравскомъ и Сербскомъ законодательствахъ. Въ Мазовіи начала Славянскаго права сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ гораздо долѣе, нежели въ другихъ областяхъ Польши; по этому и плата за убійство въ правѣ Мазовецкомъ ближе къ Богемской и Моравской. Въ правѣ Литовско-Русскомъ, древнемъ Польскомъ и Мазовецкомъ, въ ихъ древнемъ видѣ, родственникъ убитаго имѣютъ право жизни и смерти надъ убійцею. Въ Мазовецкомъ сохранился даже религіозный характеръ мести. Въ древнемъ правѣ Польскомъ, Мазовецкомъ и Литовско-Русскомъ количество платы за убійство не опредѣлено закономъ. Только уже тогда, когда Германское право начало смѣшиваться съ древними обычаями, плата за голову принимаетъ Германскую опредѣленную форму; но въ этой формѣ она отличается отъ Германской виры тѣмъ, что она никогда не платится Государю или Государству, какъ пеня за преступленіе, что при назначеніи ея обращается вниманіе на состояніе убійцы, что уплачиваетъ ее одинъ убійца, безъ всякаго участія своихъ родственниковъ, и что, наконецъ, получаетъ ее одинъ только непосредственный наслѣдникъ убитаго.

III. Вира и головничество, или головщина въ древнемъ Русскомъ правѣ.

Местъ первоначально и въ Русскомъ законодательствѣ является безпредѣльною, какъ она являлась вездѣ въ первыя времена гражданственности. Эта первоначальная форма мести изображена въ договорахъ Олега и Игоря. Сравнивая изображенный нами характеръ Славянской мести, въ противоположности съ Германскою, съ постановленіями, которыя находятся объ этомъ предметѣ въ договорахъ Олега и Игоря, мы легко можемъ рѣшить вопросъ: признавать ли намъ постановленія объ убійствѣ, находящіяся въ этихъ двухъ памятникахъ, Славянскими или Германскими?

Местъ въ договорахъ Олега и Игоря представляетъ въ себѣ чистый Славянизмъ, безъ всякой примѣси права чужеземнаго. Убійца совершенно передается родственникамъ убитаго на жизнь и на смерть: «да держимъ будетъ сотворивый убійство отъ ближнихъ убіеннаго, да убіють его». Въ этомъ основномъ положеніи всѣ законодательства—Славянскія и Германскія сходны между собою въ первый періодъ ихъ образованія. Но далѣе постановленія договоровъ

Олега и Игоря совершенно отличны отъ права Германскаго. Если убійца уйдетъ, то родственники убитаго не получаютъ виры, опредѣленной закономъ по состоянію, полу и возрасту убитаго, но берутъ все имущество убійцы: «аще ли убѣжитъ сотворивый убійство, да возмутъ имѣніе его ближніи убіеннаго». Это начало совершенно противоположно понятіямъ о Германской вирѣ и напротивъ того представляетъ буквальное сходство съ постановленіями Славянскихъ законодательствъ. Въ законодательствахъ Богемскомъ и Моравскомъ это постановленіе измѣняется тѣмъ, что судья могъ ограничить право истца на полученіе всего имущества убійцы (¹). Въ привилегіи данной Евреямъ Болеславомъ въ 1264 году, отбирается все имущество убійцы, такъ же какъ и въ договорахъ Олега и Игоря; но половина имущества принадлежитъ Королю (²). Наконецъ въ древнихъ Мазовецкихъ законахъ это начало встрѣчается

(¹) Rad Zemskeho prawa 27, 28.

(²) Privilegium Judæorum per Boleslavum ducem Poloniæ a. 1264 concessum, XIV. «Si vero talis Christianus, qui occiderit Judæum, aliquo modo, aufugerit, extunc ipsius bona, ejusdem Christiani tam mobilia, quam immobilia, quæcunque habuerit, prima medietas dictorum bonorum et hæreditatum debet persolvi super proximiores consanguineos Judæi interfecti; reliqua vero medietas pro camera nostra regia debet pertinere.

безъ всякаго измѣненія (°). Въ слѣдствіе этого начала древній законъ Русскій не дѣлаетъ никакого различія между сословіями убитаго, его попомъ и возрастомъ, при опредѣленіи удовлетворенія родственнымъ убитаго. *Въ древнихъ законахъ славянъ и германцевъ*
 Все имущество принадлежитъ родственникамъ убитаго: слѣдовательно и здѣсь, какъ въ правѣ Бодемскомъ, Моравскомъ и Мазовенскомъ, мы замѣчаемъ совершенное отсутствіе уголовнаго элемента, который всегда сопровождаетъ Германскую виру и состоитъ въ платѣ государству части денегъ, назначенныхъ для удовлетворенія родственниковъ убитаго. *Въ древнихъ законахъ славянъ и германцевъ*
 Местъ не простирается на весь родъ убійцы, ни на нѣкоторыхъ изъ его родственниковъ, какъ это мы находимъ во всѣхъ Германскихъ законодательствахъ; но вся она падаетъ на одного убійцу: «да держимъ, будетъ сотворивши убій»

(°) Statuta Mazowieckie w Zakr'oczymiu Roku 1390. VII. Paklibi
 1390. — ktori k'ziwi z'przezeconich 'ku m'oczi przycz'bi wzgardzyl
 — 1390. — tako z'eb' prawu staacz nyechczyal, any do rok'a i do scheszy
 — 1390. — nyedzyl bolaneczemu dosycz uczinycz bi nyechczyal, degdy
 — 1390. — czsoholi bi gymyenyau albo possyedyenyau s'bozau w zyemy
 — 1390. — myalbi, to wschistliko onemu komu zalosc' yest' dano ma bycz,
 — 1390. — alho wschistko on bolyanecz mu dz'yelzecz w pok'ju bez
 — 1390. — z'eb' ygr' ny

ство». А если мѣсть замѣняется отнятіемъ имущества, то имущество одного только убійцы отдается родственникамъ убиитаго; а имѣніе его родственниковъ остается неприкосновеннымъ (Дог. Игор. 11). Особенно ясно выражено это правило въ третьей статьѣ договора Олегова, гдѣ, какъ будто въ противоположность Германскому законодательству, только собственное имущество убійцы отдается родственникамъ убиитаго. «Аще ли убѣжитъ сотворивый убійство, да аще будетъ домовить, да часть его, сиречь иже его будетъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго». Даже часть, которую по законамъ должно отдѣлить женѣ, остается неприкосновенною. Также и право мстить и получать удовлетвореніе изъ имущества убійцы предоставлено одному только ближайшему родственнику убиитаго; «да возметъ ближній убіеннаго». Эти черты я считаю достаточными для того, чтобъ признать законы о мести, изложенные въ договорахъ Олега и Игоря, чисто — Славянскими законами. — Въ противоположности съ началами этого права, уже и здѣсь начинаютъ являться начала Германскія, и договоры называютъ ихъ закономъ Русскимъ, противопоставляя ихъ закону Славянскому, точно такъ, какъ въ 1-й статьѣ Русской Правды Русинъ противопоставляется Славянину. Пять литръ серебра, плѣта опредѣ-

ленная за ударъ мечемъ или другимъ оружіемъ, есть Германизмъ въ договорахъ Олега и Игоря, потому что Славянскія законодательства, какъ мы выше замѣтили, предоставляютъ всякое поврежденіе оцѣнивать самому истцу и представлять на утвержденіе судей⁽⁴⁾.

Русская Правда рѣшаетъ два случая: во первыхъ, когда убитый не оставилъ родственниковъ, которые имѣли бы право отмстить за преступленіе: «ожели не будетъ кто мстя» и во вторыхъ, когда остались родственники у убитаго. Постановленія, относящіяся къ первому случаю, при первомъ на нихъ взглядѣ, обнаруживаютъ Германскій характеръ, какъ въ своихъ началахъ, такъ и въ частномъ примѣненіи этихъ началъ. Статьи: 1. 7. 8. и 9. представляютъ таксу, въ которой находится подробная оцѣнка жизни для лицъ разныхъ классовъ. Цѣна свободнаго челоука является здѣсь сравнительною единицею: «аще ли будетъ Русинъ... изгой... либо Словенинъ». Въ Германскихъ законодательствахъ вмѣсто: «liber homo» употребляется названіе народа; на примѣръ Franco

(4) «Аще ударитъ мечемъ, или копьемъ, или кацемъ щымъ сосудомъ... да того двѣ гривна заплатитъ серебра литръ пять по закону Р...» (отъ Игоря).

въ законахъ Салическихъ, Burgundo въ законахъ Бургундскихъ и такъ далѣе (°). Точно такъ и въ Русской Правдѣ подъ названіемъ: Русинъ и Словенинъ разумѣются всѣ свободныя лица двухъ, въ то время еще не слившихся народовъ—Германскаго и Славянскаго происхожденія.

Но что такое *изгой*? Для объясненія словъ, которыя составлены изъ чисто-Славянскихъ звуковъ, какъ напр. *изъ* и *гой*, мы всегда имѣемъ право обратиться къ Славянскимъ нарѣчіямъ, особенно такимъ, которыя остановились на низшей степени развитія, и по этому хранятъ первоначальныя формы языка безъ всякаго измѣненія. Въ языкѣ Иллирійскомъ *hājati* значитъ *идитъ*, *izhājati* значитъ *выходитъ*, приходитъ въ какое нибудь мѣсто изъ путешествія (°); въ Словенскомъ *Noja* значитъ *путешествіе* (°). Изъ этого мы можемъ съ большею вѣроятностію опредѣлить значеніе слова *изгой*. *Изгой* значитъ пришлецъ, иностранецъ. Это мнѣніе мы можемъ подкрѣпить еще тѣмъ, что

(°) L. Salica XV. 2, 3. и много другихъ мѣстъ.

(°) См. Ioakima Stulli dobrocsanina Rjecsoslòxje. V Dubrawniku MDCCCVI.

(°) Sloweno-Nemshki Rozhni besédnik. Sloshil Anton Janes-Murko v gradzi 1833.

въ позднѣйшихъ памятникахъ вмѣсто изгой употребляется *чужеземецъ*, безъ всякаго сомнѣнія слово позднѣйшаго образованія, какъ это доказываетъ его искусственная сложная форма ⁽⁸⁾. Такимъ образомъ Русинъ, изгой и Славянинъ заключаютъ всѣ лица свободнаго состоянія, какія только могли находиться въ Россіи въ то время, когда составлялась Русская Правда. Но для чего же, спросятъ, законъ дѣлаетъ это странное перечисленіе? Почему бы не употребить одного слова «свободный» для народовъ различныхъ націй; и особенно зачѣмъ противопоставлять Русина Славянину, когда и тотъ и другой были подданные великаго Князя? Для рѣшенія этихъ вопросовъ я долженъ припомнить читателямъ, что въ средніе вѣка, при первоначальномъ смѣшеніи народовъ, разные племена, живя одно подлѣ другаго, на одной и той же землѣ, пользовались каждое своимъ собственнымъ правомъ. Если какое либо Германское племя вторгалось въ Римскую провинцію и основывало государство, то право Римское оставалось въ полной силѣ, и такимъ образомъ являлись двѣ системы права. Если это вновь основанное государство распространяло свои

⁽⁸⁾ См. Судебникъ 1497.

завоеванія на другія Германскія племена, то оно оставляло побѣжденнымъ ихъ права и обычаи неприкосновенными. Такъ было во всѣхъ Германскихъ государствахъ, исключая Остготское. Въ послѣдствіи времени, когда разнородныя племена, составлявшія Германскія государства, начали соединяться, когда различіе между племенами начало исчезать: тогда явилась другая система права, именно: *jus-territoriū*, по которой всякій, какого бы онъ племени ни былъ, подлежалъ законамъ того государства, въ которомъ онъ находился ⁽⁹⁾. Я думаю, что и въ Россіи были подобныя двѣ системы права. Когда народъ Германскаго происхожденія явился среди природныхъ жителей Россіи, то онъ долженъ былъ держать первоначально свой законъ, свой судъ и расправу. Но когда различіе между Русскимъ и Славяниномъ начало исчезать, тогда только ихъ можно было подвести подъ одинъ законъ, — тогда можно было ввести *jus-territoriū*, и это сдѣлано въ Русской Правдѣ. Вотъ, по моему мнѣнію, причина, по которой Ярославъ, назначая виру за голову свободнаго человека, долженъ былъ упомянуть, что эта вира назначается для Русина, Славя-

(9) Savigny, Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. I.

нина и для всякаго иностранца, изъ которыхъ каждый до этого времени управлялся собственнымъ закономъ.

Голова свободного оцѣнивается въ Русской Правдѣ въ 40 гривень. Эта сумма, для опредѣленія цѣны за голову высшихъ и низшихъ лицъ, увеличивается и уменьшается по всѣмъ правиламъ Германскихъ законодательствъ. За голову Княжа Мужа и Княжа Тіуна она увеличивается вдвое. Для лицъ, состоящихъ въ нѣкоторыхъ должностяхъ, присвоится вира свободного человека, точно такъ же какъ мы находимъ это въ законахъ Салическихъ и въ законахъ Рипуаріевъ⁽¹⁰⁾, гдѣ *præf. regis aut homines regis*, изъ какого бы званія они ни были, имѣютъ виру свободного. Въ Русской Правдѣ, къ этому классу относятся: Еридинъ, тіунъ боярскій, ябетникъ, мечникъ, тіунъ огнищный, тіунъ конющій, княжъ отрокъ, княжъ конюхъ, княжъ поваръ.

Мы видимъ, что Германскія законодательства, при опредѣленіи платы за голову несвободнаго, обращали вниманіе на пользу, которую

могъ бы принести убитый своему господину. то же самое находимъ и въ Русской Правдѣ. Смердъ и холопъ стоятъ 5 гривень; но если они знаютъ какое нибудь ремесло, то 12 гривень.

Въ отношеніи къ полу убитаго въ Русской Правдѣ не дѣлается никакого различія. Это можно заключать изъ того, что исчисляя виры свободныхъ лицъ, законъ не упоминаетъ о вирѣ за голову женщины; а, говоря о лицахъ несвободныхъ состояній, вездѣ мужескій полъ ставится на ряду съ женскимъ: такъ за ремесленника и ремесленницу 12 гривень, за воспитателя (кормиличь) 12 гривень «хотя си холопъ, хотя си раба»,

Опредѣливъ такимъ образомъ цѣну жизни для лицъ разныхъ состояній, Русская Правда продолжаетъ развивать принятыя ею Германскія начала, и примѣняетъ виру къ тѣлеснымъ поврежденіямъ и къ оцѣнкѣ животныхъ. За отнятіе главныхъ членовъ: руки, ноги, за лишеніе глаза платится какъ за полчеловѣка. Со всею Нѣмецкою расчетливостію жизнь дробится по мелочамъ, и всякое насильственное прикосновеніе къ жизненной силѣ другаго имѣетъ свою особенную цѣну. Также отличается ору-

діе, посредствомъ котораго наносится поврежденіе: «мечъ, бато҃гъ, чаша, ро҃гъ, тылесня».

§ 1. Ви́ра, назначенная закономъ за убійство, относится въ Русской Правдѣ только къ такому случаю, когда послѣ убитаго не останется родственниковъ, которые имѣли бы право мстить. Если мы будемъ разсматривать ее съ этой стороны, то Государь, давъ силу закона этой Германской таксъ, ни сколько не поступилъ противъ началъ права Славянскаго! Мы видѣли, что Славянскія законодательства назначеніе платы за голову предоставляли самому истцу; а если нѣтъ истца, то плата за голову есть вымѣренное имѣніе и поступаетъ Государю. По этому, если нѣтъ родственниковъ убитаго, то Государь является истцемъ, и слѣдовательно имѣетъ право назначить плату за убійство. Основываясь на этомъ началѣ, Ярославъ могъ напередъ опредѣлить сколько онъ въ каждомъ особенномъ случаѣ будетъ требовать за убійство, и при этомъ опредѣленіи онъ воспользовался развитою въ его время, облегчавшею для судьи произнесеніе приговора, Германскою ви́рою.

Но гораздо важнѣе для насъ изслѣдованіе втораго вопроса, то есть: что должно было

случиться съ убійцею, если послѣ убитаго остались родственники, имѣвшіе право мести?

Въ договорахъ Олега и Игоря мы видѣли, что родственники убитаго имѣли право убить преступника. Эта же безпредѣльная власть родственниковъ убитаго надъ убійцею доживаетъ до Русской Правды; «аще убьетъ мужъ мужа, то мстити брату брата» и пр. Законодатель только и сказалъ о мести, предполагая, что не нужно излагать тѣхъ правилъ, которыя возникли изъ внутренней жизни народа и которыя неизгладимо живутъ въ его сознаніи. Но месть въ такомъ видѣ не долго могла существовать; потому что власть Монархическая имѣла совершенную возможность обуздать самоуправство и ограничить частную волю въ правѣ располагать участію убійцы: отнято было у родственниковъ убитаго право жизни и смерти надъ убійцею, а предоставлено было имъ только право требовать плату за голову убитаго: «По Ярославѣ же, совокупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ Кіянинъ, Чюдинъ, Микула и отложиша убіеніе за голову, но кунами ея выкупати». Эти куны составляютъ главную плату за убійство въ древнемъ Русскомъ правѣ, между тѣмъ, какъ вира от-

носятся только къ одному частному случаю. Третья глава Русской Правды противопоставляетъ эти куны вирѣ и называетъ ихъ *головничествомъ*; а позднѣйшее законодательство называетъ ихъ *головищиною*, уже знакомымъ намъ изъ Литовскаго права терминомъ.

Послѣднею задачею нашего разсужденія будетъ изслѣдованіе началъ, на которыхъ основано это головничество, или головища; и для этого, по принятому мною плану, я изложу, по какимъ началамъ опредѣляется количество платы за голову въ древнемъ Россійскомъ законодательствѣ, кто получалъ плату за голову и кто платилъ ее?

Количество платы въ древнемъ Россійскомъ законодательствѣ, сообразно съ общими Славянскими началами и въ противность Германскимъ законодательствамъ, не опредѣляется закономъ сообразно съ состояніемъ, поломъ и возрастомъ убитаго, но назначается истцомъ и представляется судьямъ на утвержденіе. Вотъ начало, которое я долженъ доказать для того, чтобы приписать древнимъ Русскимъ законамъ о платѣ за убійство Славянскій характеръ!—Для этого я могу представить слѣдующія доказательства:

1. Уже то обстоятельство ведетъ насъ къ этой мысли, что Русская Правда, опредѣляя такъ подробно количество виры, принадлежавшей Князю, когда не было родственниковъ убитаго, оставляетъ безъ всякаго вниманія количество платы за голову, которое должны были получать родственники убитаго. Если бы сумма, поступавшая родственникамъ убитаго, была опредѣлена закономъ, то дѣти Ярослава, отмѣнившіе кровавую месть, безъ сомнѣнія упомянули бы объ этомъ въ своемъ законѣ; или оцѣнку жизни, по которой Князь получалъ виру, если не было родственниковъ убитаго, распространили бы на всѣ случаи; или по крайней мѣрѣ, куны, которыми выкупался убійца, назвали бы вирою. Это явленіе покажется слишкомъ страннымъ, если мы не предположимъ, что количество головщины или головничества не было напередъ опредѣлено закономъ; но что, во всякомъ случаѣ, истецъ самъ назначалъ плату за убійство и представлялъ ее судьямъ.

2. Но болѣе твердыя доказательства найдемъ мы, если изслѣдуемъ порядокъ судопроизводства, представляющій удивительное сходство съ постановленіями объ этомъ предметѣ въ законодательствахъ Богемскомъ и Моравскомъ. Убійца прежде всего старался кончить дѣло съ род-

ственниками убитого добровольнымъ соглаше-
ніемъ, не прибѣгая къ суду. Если онъ успѣвалъ
кончить дѣло безъ суда, то истецъ и отвѣтчикъ
совершали мировую запись и тѣмъ оканчивалось
дѣло. Такихъ мировыхъ записей сохранилось
нѣсколько даже изъ позднѣйшихъ временъ. Вотъ
образецъ: въ 1560 году совершена была *миро-*
вая слуги Новинскаго монастыря Михайла Ле-
онтьева съ крестьянами Кириллова монастыря,
по дѣлу объ убійствѣ ими Новинскаго слуги
Алексѣя Омина. Въ ней тяжущіяся стороны
говорятъ: «и мы не ходя на судъ предъ губ-
ные старосты помирились съ слугою Кириллова
монастыря съ Истомою Васильевымъ сыномъ,
что тотъ Истома помирился съ нами въ тѣхъ
душегубцевъ вмѣсто Василія Кирьянова съ то-
варищи за Олешинъ долгъ и за монастырскіе
убытки и за проѣстъ и за вѣлокиту сорокъ руб-
левъ денегъ казенныхъ: и впредь мнѣ Михайлу
и инымъ монастырскимъ слугамъ на нихъ того
дѣла не отыскивать».

Когда дѣло не кончалось добровольнымъ
согласіемъ истца съ отвѣтчикомъ, то оно пере-
ходило въ судъ, и истецъ подавалъ въ судъ
жалобу о душегубствѣ точно такъ же какъ о под-
жогѣ, воровствѣ, ябедничествѣ и иномъ *лихомъ*
дѣлѣ, и въ жалобѣ означалъ цѣну иска. Эта

цѣна во всякомъ искѣ называется однимъ общимъ именемъ: *истцово*. Вотъ доказательства: устав. Бѣлов. Грамот. 1388: «а доведутъ на кого татьбу, или разбой, или душегубство, и намѣстники велятъ на виноватомъ *истцово* доправити ⁽¹²⁾». Въ Судебникѣ Іоанна III. 1497: «а побіются на полѣ въ пожегѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбой, или въ тяжбѣ, ино на убитомъ *истцево* доправити». Въ Судебникѣ 1550: «а доведутъ на кого разбой, душегубство, или ябедничество, или иное лихое дѣло, и будетъ вѣдомой лихой, и Боярину... *истцево* велѣти доправити изъ его статка ⁽¹³⁾». Въ судной Грамотѣ 1561, Мар. 20: «а кто взыщетъ пожеги, или душегубства, или разбоя, или татьбы... ино ищеѣ искѣ заплатити изъ отвѣтчиковыхъ животовъ». Ни въ одномъ изъ вышеисчисленныхъ и подобныхъ имъ мѣстъ не встрѣчаемъ платы за голову, опредѣленной закономъ; но вѣроятно:

(12) См. Акты Юридическіе, изданные Археографическою Комиссіею, стр. 282. Сюда относятся также: мировая въ убійствѣ площаднаго писца 1577. Мировая крестьянина Андрея Калиника съ Старцами Тихвинскаго монастыря, по дѣлу о смерти крестьянина Николы Филиппова и о грабежѣ.

(13) См. также акты, собранные Археографическою Экспедиціею. Уставная Грамота 1509 Іюля 29. Уставная Онежская Грамота 1536 Іюля 4. Уставная Важская Грамота 1552 Марта 21 и проч.

самъ истецъ означалъ цѣну точно такъ, какъ онъ означалъ въ жалобѣ цѣну украденной вещи, или сгорѣвшаго отъ поджога строенія. Въ судной Новгородской Грамотѣ 1473 Августа 11, даже по окончаніи суда, когда дѣло истца будетъ признано правымъ, предписывается истцу вести переговоры съ отвѣтчикомъ (въ Богемскомъ правѣ *umluwa*): «а кто на кого утяжетъ въ тяжбѣ съ поличнымъ, или въ разбоѣ, или въ грабежѣ... и возметъ на него грамоту судную, а будетъ ему дѣло до истца, ино переговариваться ему съ нимъ мѣсяцъ». Этотъ разговоръ истца съ отвѣтчикомъ, по окончаніи суда, имѣлъ цѣлю доставить отвѣтчику средство смягчить приговоръ суда, чрезъ умилоствленіе истца, и встрѣчается почти во всѣхъ Славянскихъ законодательствахъ. Когда истецъ не могъ уговориться съ отвѣтчикомъ, не прибѣгая къ посредству суда, когда и послѣ судебного рѣшенія истецъ не могъ умилоствить отвѣтника: тогда приводилось въ исполненіе рѣшеніе суда, то есть, отвѣтникъ долженъ былъ заплатить *истцево*. А если отвѣтникъ былъ не въ состояніи заплатить требуемой суммы, то онъ выдавался истцу головою.

3. Росписаніе платы за тѣлесныя поврежденія, введенное Русскою Правдою, исчезаетъ, какъ несогласное съ главнымъ основнымъ на-

чаломъ, на которомъ основаны были законы о взысканіи за убійство. Иногда плата за поврежденіе назначается истцемъ, а иногда истецъ предоставляет ее назначать судьямъ. Такъ же какъ и въ случаѣ убійства истецъ могъ рѣшить дѣло съ отвѣтчикомъ полюбовно, не прибѣгая къ суду. Такого рода мировая встрѣчается даже въ позднѣйшія времена, именно 1684. Юла 14 «мировая Тихвинца Гавріила Дрогнева съ Иваномъ Аникіевымъ, въ порѣзаніи его ножемъ ⁽¹⁴⁾». Но если дѣло доходило до суда, то судьи, не имѣя передъ собою никакой оцѣнки разнаго рода увѣчья, назначали въ каждомъ особенномъ случаѣ вознагражденіе, смотря по степени увѣчья: «а за увѣчье указывать крестьянину, посматрѣ по увѣчью и по безчестью, и всѣмъ указывать за увѣчье, посматрѣ по увѣчью и по человѣку». Судебн. 1550: «а увѣчья указывать, смотря по увѣчью». — Судн. Грам. 1561 Мар. 20 ⁽¹⁵⁾. — Только въ Грамотахъ Новгородскихъ вира за побои и за вырваніе бороды, также и для оцѣнки разнаго рода домашнихъ животныхъ, держалась довольно

⁽¹⁴⁾ Юридическіе акты 285.

⁽¹⁵⁾ Смог. также въ актахъ юридическихъ подъ 1613 годомъ, гдѣ истецъ опредѣляя въ жалобѣ сумму иска, говоритъ: «а жалбу, Государи, моему цвну, или крестьянъ моихъ бою и увѣчю и ихъ жалбу, что вы Государи Болре укажете».

долго, и постановленія объ этихъ предметахъ называются старою правдою: «баранъ присудати 6 денегъ, овцу 10 денегъ, Государю и судьи три деньги, и старая правда; за гусакъ и за гусыню присудати по двѣ деньги Государю, а судьи три деньги; за утицу и за селезня и за курицу и за кочетъ присудати по двѣ деньги... за бороду присудати два рубля и за бой», Запись Новгородская о церковномъ судѣ 1477 ⁽¹⁶⁾. Доказавъ, что постановленія древняго Русскаго права, которыми опредѣляется количество платы за голову, основываются на началахъ, общихъ всѣмъ Славянскимъ законодательствамъ и совершенно противоположны началамъ Германской виры, я теперь перейду къ рѣшенію вопросовъ: кто имѣлъ право мстить и получать плату за голову, и кто подлежалъ мести?

И эти вопросы рѣшены въ Русскомъ правѣ, по началамъ, общимъ всѣмъ Славянскимъ законодательствамъ. Одинъ только ближайшій родственникъ убитаго имѣетъ право мести, а не весь родъ убитаго, какъ въ Германскихъ законодательствахъ: «мстити брату брата, либо сынови отца, либо отцу сына, либо брато чаду,

⁽¹⁶⁾ Запись Новгородская о церковномъ судѣ 1477.

ли сестрину сынови». Но Русское право является весьма оригинальнымъ въ ограниченіи числа степеней родства, до которыхъ должно доходить право мести. Мы видѣли, что при недостаткѣ лица, имѣвшаго право мести, Государь получалъ виру; слѣдовательно, ограничивъ число лицъ, имѣющихъ право мстить, Ярославъ увеличилъ свои доходы. Право мести превращено въ финансовую мѣру. Въ позднѣйшихъ памятникахъ мы не находимъ почти никакихъ постановленій о лицахъ, имѣвшихъ право мести. Вѣроятно плата за голову переходила отъ одного родственника къ другому, по законамъ наследства; и по этому законодатели не считали нужнымъ издавать особливыхъ объ этомъ предметѣ постановленій. Часто встрѣчающееся выраженіе: «истцу истцево заплатити», безъ всякаго отношенія къ другимъ родственникамъ убитаго, доказываетъ, что всю плату за голову удерживалъ одинъ истецъ, не раздѣляя ее между родственниками убитаго. Германскій законъ: тотъ только имѣетъ право получать плату за убійство, «qui faidam levare potest» не существовалъ, и по этому женскій полъ, какъ и въ другихъ Славянскихъ законодательствахъ, могъ получать плату за голову. Доказательствомъ этому можетъ служить мировая 1577. Ноября 18, въ убійствѣ писца, гдѣ дается женѣ убитаго

писца запись въ томъ, что ей будетъ заплачено головщина и убытки причиненные убійствомъ ея мужа ⁽¹⁷⁾. Местъ и обязанность платить головщину падала на одного только преступника, не касаясь его родственниковъ. Этотъ законъ, который мы встрѣтили уже въ договорахъ Олега и Игоря является неизмѣннымъ въ продолженіи всей исторіи головщины.—Въ Русской Правдѣ есть рѣшительное доказательство для нашего мнѣнія: «а головничество, а то самому головнику... заплатить изъ дружины своею частію ⁽¹⁸⁾». Следовательно имущество родственниковъ убійцы, по началамъ, общимъ Славянскимъ законодательствамъ, оставалось неприкосновеннымъ. Въ позднѣйшихъ памятникахъ законодательства головщина платится изъ одного только имущества преступника, а имущество его родственниковъ остается неприкосновеннымъ: «а который будетъ тать или убійца, или ябедникъ, вѣдомой лихой чѣловѣкъ, и ловчій мой велитъ заплатить истцево *изъ его статковъ*». Уставная Грамота 1509 Іюня 29 ⁽¹⁹⁾. «А доведутъ на

⁽¹⁷⁾ Акты юридическіе стр. 282.

⁽¹⁸⁾ Русская Правда 3.

⁽¹⁹⁾ Устав. Вак. Грам. 1552 Мар. 21. «А истцемъ изъ души губцева живота искъ заплатить». Судн. Грам. 1561. Мар. 20. «ищевъ искъ заплатить изъ отцовъ чиковыхъ животовъ». Суд.

кого разбой, душегубство, или ябедничество, или иное лихое дѣло, и будетъ вѣдомой лихой человекъ... истцево доправить изъ его статковъ». Судеб. 1550. 12. Если имущество отвѣтчика было недостаточно для удовлетворенія истца, то отвѣтчикъ отдавался головою, но имущество его родственниковъ оставалось неприкосновеннымъ. (Судебникъ 1550 ст. 12).

Говоря о лицахъ, которыя должны были уплачивать за голову убилаго, я не могу оставить безъ вниманія и того закона, общаго всѣмъ Славянскимъ законодательствамъ, по которому округъ отвѣчаетъ за убійство, если преступникъ скроется. Принявъ во вниманіе, какъ легко изъ чужихъ законодательствъ термины могутъ быть заимствованы для обозначенія уже существующаго въ народѣ понятія, я ни сколько не сомнѣваюсь въ томъ, что ручательство округа за убійцу, выраженное въ 3-й статьѣ Русской Правды, не заимствовано изъ Германскаго законодательства, не смотря на то, что оно носитъ названіе *виры* и при томъ *диной виры*. Уже въ Русской Правдѣ она является въ большей степени развитія, нежели въ какомъ

либо другомъ законодательствѣ Славянскомъ и сохраняетъ нѣсколько столѣтій свою полную силу⁽²⁰⁾.

Исслѣдовавъ главные вопросы о платѣ за убійство въ Русскомъ правѣ, я могу представить теперь въ немногихъ словахъ результатъ своего изслѣдованія.

Законъ первоначально предоставляетъ убійцу въ полную власть ближайшихъ родственниковъ убиитаго. Эта безпредѣльная власть еще существовала въ Русской Правдѣ при Ярославѣ. Но здѣсь является Германизмъ и становится подлѣ Славянскихъ обычаевъ. Князь, являясь мстителемъ безродныхъ, предпочитаетъ деньги кровавой мести и принимаетъ за руководство Германскую таксу, извѣстную подъ именемъ системы вирь. Дѣти Ярослава ограничиваютъ власть родственниковъ убиитаго надъ жизнью убійцы и замѣняютъ кровавую месть *кунами*. Эти куны составляютъ головщину въ Русскомъ

⁽²⁰⁾ Слѣды дикой виры, которая въ позднѣйшихъ памятникахъ называется вирою, встрѣчаются: въ Уставной Бѣлозерской Грамотѣ 1488; въ Грамотахъ 1506 Апрѣля 7, 1509 Юля 29, 1536 Юля 4, 1548, 1614 Юля 5; и въ Судебникахъ.

законодательствѣ, и имѣютъ слѣдующіе существенные признаки, по которымъ мы можемъ считать ихъ постановленіемъ чисто — Славянскимъ, безъ всякой примѣси Германизма.

1. Головщина въ Русскомъ законодательствѣ, не заключаая въ себѣ уголовнаго элемента, вся принадлежитъ истцу, какъ слѣдствіе выиграннаго гражданскаго иска, и никогда не принадлежитъ государству никакою своею частию.

2. Количество ея не опредѣляется закономъ, сообразно съ поломъ, возрастомъ и состояніемъ убитаго, но всякій разъ назначается истцемъ и представляется на разсужденіе судей. Слѣдовательно въ Русскихъ законахъ не встрѣтимъ головщины свободнаго человѣка, какъ сравнительную единицу для опредѣленія жизни лицъ другихъ состояній.

3. Для оцѣнки тѣлесныхъ поврежденій, въ Русской Правдѣ употреблена Германская вира; но она скоро исчезаетъ предъ началомъ Славянскимъ, по которому самъ истецъ, или судья, въ каждомъ особенномъ случаѣ опредѣляетъ удовлетвореніе за вредъ.

4. Мстятъ и получаютъ головщину только

ближайшіе родственники убитого, по правиламъ наслѣдства. Ближайшій беретъ все количество головы и устраняетъ отдаленнѣйшихъ отъ всякаго участія.

5. Выдерживаетъ мѣсть и платитъ голову одинъ только убійца, безъ всякаго участія другихъ родственниковъ.

6. Общество, составляющее округъ, ручается за каждаго изъ своихъ членовъ и вноситъ плату за голову, если допустить убійцу скрыться.—Эти черты суть только повтореніе того, что мы сказали при изображеніи отличительнаго характера Богемской Hlawu или головныхъ пенязей и при опредѣленіи характера Славянской платы за голову вообще.

Вира, какъ установленіе чужое, протівное кореннымъ началамъ Славянскихъ законодательствъ, скоро исчезаетъ, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Напротивъ того голова живетъ нѣсколько вѣковъ, не измѣняя своего первоначальнаго значенія даже въ то время, когда новыя понятія, преимущественно утвержденныя Христіанскою религіею о преступленіи и правосудіи, уже пустили глубокіе корни въ жизнь народную. Начала чисто-уго-

ловныя долго не смѣли коснуться головщины, но стали подлѣ нея. Въ Судебникѣ 1497, кромѣ взысканія головщины изъ имѣнія убійцы, преступникъ былъ «въ казни и въ продажи Боярину и Діяку». Но скоро эта казнь и продажа превращается въ смертную казнь. «А который будетъ тать или убійца, или ябедникъ, вѣдомый лихой человекъ, и ловчій мой велитъ заплатить истцево изъ его статковъ; а того лихаго человека велитъ казнить смертною казнію» ⁽²¹⁾. Частное начинаетъ уступать общему. Если имущество отвѣтчика недостаточно для удовлетворенія истца, то отвѣтчикъ не выдается головою: «а не будетъ у котораго лихаго статка чѣмъ истцево заплатить, и ловчій мой того лихаго человека въ его гибели не выдаетъ, а велитъ его казнить смертною казнію». Здѣсь уже удовлетвореніе требованіямъ правосудія стоитъ выше удовлетворенія за обиды, нанесенныя частному лицу ⁽²²⁾. Это начало является подробно развитымъ въ Судебникѣ 1550 года. Въ послѣдствіи времени элементъ уголовный въ наказаніи за убійство увеличивается тѣмъ, что къ смертной казни прибавляется конфискація имущества, оставшагося

⁽²¹⁾ Уставн. Грам. 1509 Іюля 29.

⁽²²⁾ Уставн. Грам. 1509 Іюля 29.

послѣ выдѣла головщины: «а кто взыщетъ пожеги, или душегубства, или разбоя, или тажбы... ино ищеѣ искъ платити изъ отвѣтчиковыхъ животовъ, а что за тѣмъ останется животовъ, и то описывати на меня Царя... и отвѣтника казнити смертною казнію». Судная грамота 1814. Даже въ Уложеніи, гдѣ уголовныя начала являются въ полной силѣ, гдѣ слово: *головщина* исчезаетъ предъ смертною казнію, и въ Уложеніи мы находимъ еще слабые слѣды платы за убійство. Если бы кто похвалялся смертнымъ убійствомъ, то тотъ, къ кому относится угроза, проситъ опасной грамоты: «и просителю дается опасная грамота съ большею заповѣдію, а заповѣди велѣлъ бы Государь написать на того, кто на него похвалялся, пять тысящъ или шесть и седмъ тысящъ рублевъ и больше. И если убьетъ, то убійцу казнити смертною казнію и половину имѣнія его взяти въ Государеву казну, а другую половину отдать убитаго женѣ и дѣтямъ и роду его, — кто на того убойца начнетъ бить челомъ». Улож. X. 133. Во всѣхъ другихъ случаяхъ убійца предается смертной казни, а изъ сего имѣнія берется часть, не для удовлетворенія родственниковъ убитаго, а только для уплаты его кабальныхъ долговъ. Улож. X. 105.

П О Л О Ж Е Н І Я.

I.

Въ древнихъ Германскихъ законодательствахъ замѣтно стремленіе создать систему абсолютно-опредѣленныхъ наказаній: напротивъ неопредѣленные наказанія составляютъ существенную черту древнѣйшихъ уголовныхъ законовъ Славянъ.

II.

Въ древнемъ Русскомъ правѣ плата за убійство является въ двойной формѣ: а) какъ понятіе, основанное на началахъ Германскаго законодательства (*вира*), и б) какъ понятіе, возникшее изъ жизни Славянскихъ народовъ (*головничество*, въ позднѣйшихъ памятникахъ *головщина*).

III.

Древнія Богемское и Моравское законодательства, предоставивъ законодательную власть родоначальникамъ, владѣвшимъ обширною поземельною собственностію, долго подавляли начало подвижности (*Bewegungsprinzip*) въ организмѣ государственномъ и тѣмъ сохранили въ большей чистотѣ національныя Славянскія начала.

IV.

Относительно неопредѣленные наказанія составляютъ необходимую принадлежность уго-

ловныхъ законовъ, основанныхъ на началѣ правосуднаго возмездія.

V.

Испытаніе водою и испытаніе желѣзомъ (*ordalia*) суть установленія чисто языческія, такъ же не заимствованныя Славянами отъ Германцевъ, какъ и Германцами отъ Славянъ.

VI.

Начала уголовного права, изображенныя въ договорахъ Олега и Игоря, представляютъ характеръ чисто Славянскихъ обычаевъ.

VII.

Нлава въ Богемскомъ и Моравскомъ правѣ, *кравина* у Сербовъ, *głowszczyzna* въ законодательствахъ Польскомъ и Литовско-Русскомъ, наконецъ *головничество* или *головщина* въ древнемъ Русскомъ законодательствѣ суть одно и тоже понятіе, противоположное по своимъ началамъ Германской вирѣ.

VIII.

Между древними Славянскими законодательствами находится внутренняя тѣсная связь, возникшая изъ одноплеменности Славянскихъ народовъ, и по этому, для объясненія древняго Русскаго права, необходимо сравнительное изученіе всѣхъ прочихъ Славянскихъ законодательствъ.

